РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XII-й.

Кн. А. Д. Кантемиръ.

ИЗБРАННЫЯ САТИРЫ.

Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1893.

Дозв. ценз. Спб. 14 декабря 1892 г. Тип. Глазунова, Казанская 8.

Медоръ тужитъ, что чрезчу̀ръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.

Сатир. I, ст. 107—110.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XII-й.

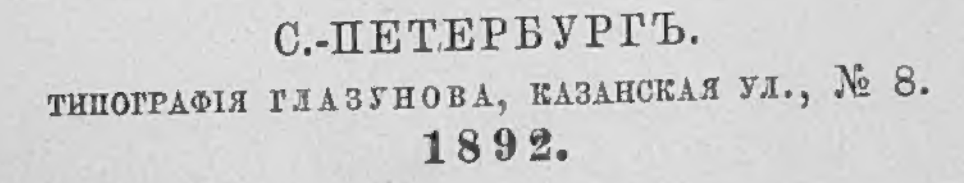
Кн. А. Д. Кантемиръ.

ИЗБРАННЫЯ САТИРЫ.

Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.
1892.

Для указанія, *какъ* надобно читать стихи кн. Кантемира, приводимъ выписку:

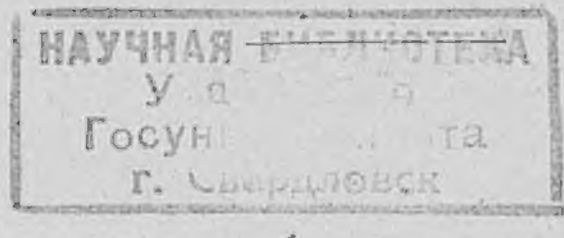
Изъ письма Кантемира о сложеніи стиховъ русскихъ.

„Тринадцатисложный стихъ долженъ состоять изъ *двухъ* полустишій. Первое полустишіе имѣетъ *семь* слоговъ, второе *шесть*. Слоги перваго полустишія по четвертый могутъ быть долгіе и короткіе, какъ ни случатся; но неотмѣнно нужно, чтобъ или *седьмой* былъ долгій или *пятый*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ, чтобъ *шестой* и *седьмой* были короткіе. Второго полустишія *предпослѣдній* слогъ всегда долженъ быть долгій, такъ что ежели риѳмами пишется, то была бы она неотмѣнно двусложная...“ (§§ 25, 27, 28, 29).

Въ нашемъ изданіи *долгій* слогъ перваго полустишія означенъ въ каждомъ стихѣ удареніемъ; если оно стоитъ на пятомъ слогѣ, то *сѣченіе* стиха слѣдуетъ черезъ два слога послѣ него. Во второмъ полустишіи мы не ставили ударенія, такъ какъ оно *всегда* падаетъ на предпослѣдній слогъ. Вотъ какъ читается стихъ Кантемира:

Уме недозрѣлый плóдъ—недолгой наýки!
Покойся, не понуждáй—къ перу мои рýки.

(Соч. Кантемира, ред. Ефремова).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Ноября 1892 г.

Предисловіе.

Кн. А. Кантемиръ является, по преимуществу, представителемъ русской сатиры XVIII-го столѣтія; съ этой стороны онъ служитъ предметомъ изученія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и настоящій выпускъ „Русской Классной Библіотеки“ представляетъ достаточный матеріалъ для изученія этой именно стороны его литературной дѣятельности. Изъ девяти извѣстныхъ сатиръ Кантемира мы избрали три: 1-ю и 2-ю, печатающіяся по извѣстному изданію П. А. Ефремова, сдѣланному на основаніи рукописи, недавно открытой академикомъ А. А. Куникомъ, и 9-ю сатиру: „На состояніе всего свѣта, къ солнцу“, которая воспроизводится по только что открытому списку ея, принадлежащему Ѳ. К. Пономаренку и впервые обнародованному С. П. Брайловскимъ въ іюльской книжкѣ Жур. Мин. Нар Просв. за текущій годъ. Особенность этого списка заключается въ возстановленіи и исправленіи многихъ строфъ, которыя или совсѣмъ были пропущены, или искажены въ единственномъ до того спискѣ этой сатиры, напечатанномъ г. Тихонравовымъ въ 1858 г.; болѣе-же всего заслуживаютъ вниманія въ этомъ спискѣ примѣчанія къ 9-й сатирѣ, писанныя самимъ авторомъ и доселѣ бывшія неизвѣстными. Съ присоединеніемъ этихъ примѣчаній, 9-я сатира оказывается теперь въ столь-же

полномъ видѣ, какъ и предъидущія восемь, въ изданіи г. Ефремова. Орѳографію послѣдней сатиры мы исправили, сообразуясь съ правописаніемъ первоначальной редакціи всѣхъ другихъ сатиръ, сохраненной въ изданіи г. Ефремова. Кромѣ примѣчаній самого автора, нами приводятся, по мѣстамъ, и подстрочные комментаріи.

Въ качествѣ статьи, облегчающей изученіе сатиръ Кантемира, приводимъ, въ извлеченіи, два отрывка изъ соч. А. Д. Галахова.

Къ выпуску приложены, по обыкновенію, портретъ сатирика и рисунокъ.

ИЗБРАННЫЯ САТИРЫ.

ПИСЬМО СТИХОТВОРЦА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Государь мой!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ? и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней, басней и другихъ малыхъ твореній составить; но усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли въ люди вышли, принялся сіи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ; и могу сказать, что почти все снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, все въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно. Впрочемъ, неотмѣнно пребываю

Вашъ, государя моего,
покорный слуга
* * *

Изъ Парижа 1743.
Марта дня

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕРВОЙ
АВГУСТѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ
и самодержицѣ всероссійской,
ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ.

Отрасль Петра Пѐрваго, его же сердцами
Великимъ и Отцемъ звáлъ больше, чѣмъ устами
Народъ твой! Отрасль рукóй взращенна самáго
Всевышшаго, пóлкруга въ надежду земнаго!
Если видя общу я̀, при твоемъ восходѣ
На престолъ родѝтелевъ, не только въ народѣ
Твоемъ радость, но почтѝ во всѣхъ краяхъ міра,
Въ пѣсняхъ твоихъ не брячи̇тъ одна моя лира;
Не возмни, что съ лѣности мысль моя несклонна
Тебѣ пѣть: была бы тá лѣность беззаконна.
Трижды я лиру снастилъ и дрожащи персты
Трижды на струны навéлъ, и уста отверзты
Готовили Тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый бóгъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ: изодрáвъ струны, лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломáлъ, и стиснулъ мнѣ губы
Видѣлъ я въ свѣтломъ его лбу морщины грубы,
Молній ярость въ очáхъ, и на лицѣ пламень;
Безгласенъ, недвиженъ я̀ сталъ съ страху, какъ камень.
Грознымъ тогда гóлосомъ „Кое тя обняло
„Безуміе“, сказалъ мнѣ: „тебѣ ли пристало
„Боговъ вышнихъ прославля̀ть въ смертномъ тѣлѣ племя?
„Не твоихъ силъ на плечá кладешь себѣ бремя,
„Ты поскользнешься подъ нѝмъ, причину дашь смѣху
„Кои съ чужаго стыдá чувствуютъ утѣху.
„Елисавету сердцá на престолъ возводятъ,
„И пустъ оставя Олѝмпъ, Ей ужъ служить сходятъ
„Веселіе, и Любóвь, и три Благодати.

„Видя Ее съ зависти плачетъ любве мати;
„Бѣжатъ неправость Ей, и злыя обиды,
„И гордость, и лакомство, и всѣ злочинствъ виды.
„Добродѣтели дѣлятъ съ Нею царства бремя,
„Возвращая сладкое вамъ Петрово время;
„И какъ Перунъ имя той съ Сѣверъ исхождая
„Свѣтло и страшно земли до другаго края:
„Столь славну пѣснямъ своимъ имѣяй причину
„Не подлаго долженъ быть въ Геликонѣ чину;
„Тебѣ въ низу той горы еще ползать кстати.
„Если же знакъ хвальнаго благодарства дати
„Твоего какой либо Августъ желаешь,
„Поднеси Ей книжицу, въ которой пятнаешь
„Злые веселымъ лицомъ обычьи и нравы.
„Августъ смѣлость твоя придастъ много славы:
„Явно бо, что книжку рабъ дая ей такую,
„Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ тую".
Сказавъ то, поднялся онъ въ Парнасски палаты;
Быстра воза колеса возшумѣли златы.
Тяжекъ мнѣ былъ тотъ заказъ изъ устъ властелина
Девяти сестръ, и тяжка закону причина,
Котора невѣжество мое обличала;
Да покорность мнѣ всего болѣе пристала.
Убо, Самодержица, прими, что дать знаю;
Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
Многихъ лѣтъ въ ней приношу бдѣнія и поты;
Не пощадилъ боязливъ я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, изхѣрилъ,
Да и такъ достойну глазъ твоихъ быть не вѣрилъ.
Аполлу послушенъ я, ты изъ край до края
Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стихотворецъ, возпамѣрившись сатиры свои посвятить Императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ, сочинилъ сіи стихи вскорѣ по вступленіи

Ея Величества на престолъ, и въ началѣ 1742 года переслалъ ихъ къ своему пріятелю.

Ст. 1 и 2. *Его же сердцами звалъ больше, чѣмъ устами.* То есть, котораго добровольно отцемъ и Великимъ называлъ. Устами хвалить можно или для страху, или въ какой надеждѣ; а внутреннее почтеніе основано на чистосердечной любви и добродѣтеляхъ хвалимаго лица.

Ст. 4. *Полкруга въ надежду земнаго.* Разумѣется та надежда, которую въ ней Россія полагала, объемлющая пространствомъ своимъ почти половину земнаго круга, потому что отъ Риги до послѣдняго Камчатскаго мыса считается не меньше ста семидесяти пяти градусовъ.

Ст. 8. *Въ пѣсняхъ твоихъ не брячитъ одна моя лира.* То есть, если я не сочинялъ въ похвалу твою пѣсни. Древніе стихотворцы имѣли обыкновеніе пѣть стихи свои предъ народомъ, соглашая свой голосъ съ лирою, которая была отчасти лютнѣ подобна; почему похвальные стихи и пѣсни, въ коихъ высокій слогъ требуется, названы *лирическимъ стихотворствомъ.*

Ст. 15. *Бѣлокурый богъ.* Такъ названъ Аполлонъ съ италіанскаго *il biondo Nume.*

Ст. 16. *Лиру нагу.* То есть, безъ струнъ.

Ст. 23. *Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя.* Стихотворецъ, говоря устами Аполлона, вводитъ множество боговъ. Древніе славнымъ государямъ и героямъ, за великія ихъ добродѣтели, божескую честь приписывали.

Ст. 27. *Сердца на престолъ возводятъ.* То есть, общее желаніе и любовь всего народа.

Ст. 28. *Пустъ оставя Олимпъ. Олимпъ* есть высокая гора на островѣ Кипрѣ; у стихотворцевъ оная значитъ *небо.*

Ст. 29. *Три Благодати.* Можно разумѣть двояко: иль богинь свиты Венериной, или душевныя дарованія.

Ст. 30. *Видя ее, плачетъ любве мати.* То есть, Венера, богиня красоты, плачетъ, завидуя красотѣ лица Императрицы.

Ст. 33. *Добродѣтели дѣлятъ съ нею царства бремя.* Добродѣтели съ нею царство управляютъ. Здѣсь оныя въ лицахъ богинь представляются.

Ст. 38. *Въ Еликонѣ чину.—Еликонъ,* гора въ Беоціи, Музамъ посвященная.

Ст. 41. *Августъ.* Такъ въ древнія времена назывались греческіе монархи, то есть *распространителями.*

Ст. 45 и 46. *Явно бо, что книжку рабъ---- призналъ тую.* То есть, когда рабъ смѣетъ подносить своей государынѣ такую книгу,

въ которой злонравія обличаетъ, то посему явно, что въ оной ничего ей досаднаго не содержится, и слѣдовательно сама государыня добродѣтелями совершенно украшена.

Ст. 47. *Парнасски палаты*. *Парнассъ*, гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой.

Ст. 48. *Быстра воза колеса*. Аполлонъ обыкновенно изображается сидящій на золотой колесницѣ, заложенной четырьмя коньми.

Ст. 49 и 50. *Изъ устъ властелина девяти сестръ*. То есть, изъ устъ Аполлона, яко начальника Музъ.

Ст. 60. *Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя*. То есть, всю книгу прочтешь безъ гнѣва; ибо тихое сердце есть знакъ кротости, какъ внезапная перемѣна лица есть знакъ сильной страсти.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сатиру назвать можно такимъ сочиненіемъ, которое, забавнымъ слогомъ осмѣвая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна; но слогъ ея, будучи простъ и веселый, читается охотнѣе, а обличенія ея тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другаго наказанія боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищахъ, гдѣ между дѣйствами трагедіи вводилися для увеселенія смотрителей смѣшныя явленія, въ которыхъ дѣйствующія лица, въ образѣ сатировъ, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали гражданъ злые нравы и обычаи. Такое изображеніе римляне, грекамъ послѣдуя, на своихъ позорищахъ завели; а потомъ и кромѣ зрѣлища порядочными стихами сатирическія творенія составлять стали. Луцилій нѣкто въ томъ дорогу показалъ Горацію, Персію и Ювеналу, а сіи италіанскимъ, французскимъ и прочихъ народовъ сатирикамъ.

Я въ сочиненіи своихъ наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ. Читателямъ моимъ оставляю судить, сколько я въ семъ опытѣ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія преуспѣлъ. Новость предпріятія, можетъ быть, извинитъ погрѣшенія слога; а осторожное обличеніе злонравія подлинно не осудятъ любители добродѣтели. Отъ злонравныхъ ничего не ожидаю, хуленіе и хвалу, гнѣвъ и любовь ихъ равно презирая.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.

Boileau Art. Poet. Chant. II, p. 145.

То есть:

Не злословить, но себя оказать межъ нами
Жадность правду вооружи сатиры стихами.

Боало „Искусство стихотв.“ Пѣснь II. стр. 145.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

Уме недозрѣлый пло́дъ недолгой науки!
Покойся, не понужда́й къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи днѝ вѣка проводити
Можно, и славу доста̀ть, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней не тру̀дные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе то́тъ, что босы проклали
Девять сестръ [1]). Многи на нѐмъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на не́мъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя̀, какъ мору, чужится[2]),
Смѣется, гнуша́ется. Кто надъ столомъ гнется
Пяля на книгу глаза́, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не приба́витъ онъ къ отцовскому стаду.
   Правда въ нашемъ моло́домъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала̀; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполли́нъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почу̀лъ чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого́, [3]) и во всемъ обильно
Тщится множить жи́телей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, мно̀гіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ [4]) то, что въ по́дданномъ дерзко осуждаютъ.
   Расколы и ѐреси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому дало̀сь больше разумѣти,

---

[1]) Путь поэтическаго творчества, проложенный музами.

[2]) Чуждается. — Въ этихъ стихахъ живо изображается тогдашнее русское общество, гдѣ писатель еще не пріобрѣлъ себѣ права гражданства.

[3]) Т. е. монарха, почитающаго свиту Аполлона (Музъ). Рѣчь идетъ о Петрѣ II, въ то время пятнадцатилѣтнемъ отрокѣ.

[4]) За страхъ, т. е. страха ради.

Приходитъ въ безбо̀жіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ чотками въ рука́хъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа̀ съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя нау̀къ вредно между нами: [1])
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдо́мъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слу̀шая, что сами не знали,
Теперь къ церкви со̀блазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотя̀тъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая̀ священному чину;
Потеряли добрый пра́въ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ па́лкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладу̀тъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ вла́сть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірско̀й жизни ужъ отстали,
Помѣстья и во̀тчины весьма не пристали [2]).
   Сильванъ другую вину̀ наукамъ находитъ:
Ученіе, говори́тъ, намъ голодъ наводитъ;

---

[1]) Въ интерлюдіи, напечатанной въ 3-ей книжкѣ „Лѣтописей рус. литературы", выведенный на сцену раскольникъ такимъ образомъ сѣтуетъ на новое время:

И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
   Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну,
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
   Еже апостоли святые и пророки носили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
   На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.

   И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ,
   Что законъ и правила святыхъ возбраняютъ:
Свои брады на голо желѣзомъ обриваютъ.
   Человѣцы ходятъ якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы.

[2]) Здѣсь намекается на важный въ то время вопросъ, затронутый еще до Петра I и разрѣшенный только Екатериною II: объ отобраніи помѣстій у духовенства, которое сильно ихъ отстаивало въ свою пользу.

Живали мы прежъ сего́, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба́, буде нѣтъ въ ней чину, [1])
Ни связи, должность [2]) о то́мъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ слова́хъ, подлыхъ [3]) то есть дѣло,
Знатнымъ полно [4]) подверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души́ силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту̀ томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо о́нъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Припростетъ ли мнѣ съ того́ день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то́ узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ го̀дъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число̀ съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза́, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней зна́ніе, все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому вра́чъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кро́вь: буде ему вѣру
Нять [5]) хощешь. Слабѣемъ ли́, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно [6])—жа́ръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто́ видѣлъ живо тѣло [7]).

---

[1]) Здѣсь слово *чинъ* употреблено въ его первоначальномъ значеніи: *порядокъ*.

[2]) Вѣроятно, нужно: *должно ль о томъ* и пр.

[3]) Первоначальное значеніе слова *подлый* было противоположно слову *благородный (дворянинъ)*, слѣд. относилось ко всѣмъ не-дворянамъ.

[4]) *Полно* — довольно.

[5]) Яти — взять. Если будешь ему вѣрить.

[6]) Т. е. если быстрое кровообращеніе.

[7]) Т. е. хотя никто не видѣлъ внутренности живого тѣла.

А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу? [1])
За любопытствомъ [2]) однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею.
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично [3]) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ[4]).
Румяный, трожды [5]) рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишусь? [6])

---

[1]) Т. е. не спать цѣлую ночь за пятномъ (на солнцѣ).

[2]) Изъ любопытства.

[3]) Вкралось польское слово *слично* вмѣсто *отлично, весьма.*

[4]) Г. Галаховъ на все это замѣчаетъ: „Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло, между разными невѣжественными доводами, одно достаточное основаніе: въ его время науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ,* какъ самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, въ *лишніе часы.* Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ диллетантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. („Отечеств. Записки“ 1848. XI. Сочин. Кант.).

[5]) *Трожды*—трижды.

[6]) Замѣчаніе г. Галахова: „Во времена Кантемира, ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ

Когда все содру̀жество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо̀, песокъ, да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жи́знь должны провождати;
И такъ она недолга́, на что коротати,
Крушиться надъ кни́гою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни̇̀ прогулять и ночи?
Вино даръ божѐственный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подае́тъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тя̀жкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегча́ть, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца́, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче вино́мъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохо́й бразды водить ста̀нутъ,
А съ поверхности земли́ звѣзды ужъ проглянутъ,

учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что онъ подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: „Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностью, которое оно не растворило бы радостью?“ Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука также искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ послѣднихъ шести стихахъ (100—106), видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ и, разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ. („Отеч. Записки“ 1848 г. XI. Сочин. Кантемира).

Когда будутъ течь къ ключа́мъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся наза́дъ минувшіе вѣки:
Когда въ постъ чернецъ одну̀ ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стака́нъ, примуся за книгу [1]).
  Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать кни́гъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри; [2])
Не смѣнитъ на Се́неку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ дву̀хъ денегъ Виргилій не сто́итъ,
Рексу, не Цицѐрону, похвала достоитъ. [3])
Вотъ часть рѣчей, что на вся́къ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме́, нѣмѣе быть клуши [4])
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того́ сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хва́лъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пья́ницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу̀ святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пи́ть не въ три пуда хмѣлю.
  Знаю, что можешь, уме́, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злопра́вному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа́, и такимъ подобны
Науку должны хули́ть,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уста́въ [5]), плюнуть на нихъ можно.
Изрядeнъ, хваленъ твой су̀дъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова́ умными владѣютъ,
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ

[1]) Вотъ что говоритъ Овидій:
„Глубокія рѣки потекутъ назадъ отъ моря къ своему источнику, солнце побѣжитъ назадъ, поворотивъ своихъ коней, земля понесетъ звѣзды, небо будетъ разрѣзано плугомъ, волна загорится, а огонь дастъ воду“.
[2]) Во время Кантемира была мода пудрить себѣ волосы.
[3]) Достойна.—Егоръ извѣстный сапожникъ въ Москвѣ. Рексъ модный въ то время портной.
[4]) *Клуша* (польск.) галка.
[5]) Не законъ.

Недрузей, которыхъ я̀, краткости радѣя, [1]
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? [2] Райскихъ вра́тъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣскі̀ ввѣрила златые [3],
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ го́рдостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу̀, брюхо бородою,
Клюку пышно повелѝ везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять пудь праву и лѣву;
Долженъ архипа́стыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благого́вѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ неѐ пользы церкви будетъ?
Иной, пиша про́повѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ врѐдъ; а въ нихъ церкви права [4]
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею ста́ть? вздѣнь парикъ съ узлами, [5]
Брани того, кто́ проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пу́сть слезы презираетъ, [6]
Спи на стулѣ, когда дья̀къ [7] выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажѝ, что вретъ околёсну,
Налагая на судёй ту тягость несносну,

---

[1] Краткости ради.

[2] Довольно-ль того?

[3] И тѣ, которымъ Ѳемида ввѣрила золотые вѣсы, т. е. судьи.

[4] Права̀, но для рифмы нужно читать *пра̀ва*.

[5] Въ такихъ парикахъ изстари ходили судьи во Франціи, откуда и къ намъ зашла такая офиціальная форма.

[6] Т. е. пусть презираетъ твердое сердце слезы бѣдныхъ.

[7] Дьякъ—старинная должность, соотвѣтствующая нашему секретарю.

Что подъячимъ [1]) должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно зна́ть крѣпить приговоры. [2])
Къ намъ не дошло время то́, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ Мудрость, и вѣнцы̀ одна раздѣляла,
Будучи способъ одна́ къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до на́шего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, бо́гатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло. [3])
Подъ митрой гордится то̀,[4]) въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукно̀мъ, смѣло полки водитъ.
Наука обо̀драна въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домо̀въ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотя̀тъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страда́вшіе корабельной службы. [5])
Всѣ кричатъ: ни какой пло́дъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова́ полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣша́ть, [6]) разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на ду̀дочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибра́ть въ своемъ платьѣ цвѣты; [7])
Тому ужъ и въ са̀мыя молодыя лѣты
Всякая высша степѐнь, мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ [8]) себя̀ достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричи́тъ безмозглый церковникъ;
Еще не епископъ я̀, а знаю часовникъ,

---

1) Подъячій—помощникъ дьяка.

2) Скрѣпить своей подписью.

3) Т. е. сѣло на мѣсто высшее, взяло верхъ надъ наукою.

4) *То* — вмѣсто *оно* (невѣжество).

5) То есть, какъ страдавшіе морскою болѣзнію бѣгутъ корабельной службы.

6) Играть въ карты.

7) Цвѣта̀.

8) Извѣстные семь мудрецовъ древнихъ: Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ.

Псалтырь и послáнія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ [1]) не запнýсь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своѝмъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя своé подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукнóмъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣлó списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мнѝтъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь боя́ръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворòвъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читáть, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша словá, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучáй, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житьè, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углỳ молчаливъ таится.
Коли что дала ти знáть Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя̀, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищѝ, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждèшь, достать хулу злую.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ, писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: *на хулящихъ ученіе*. Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, архіепископу Новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и, возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую *Гиралдія о богахъ и стихотворцахъ*. Тому архипастырю слѣдуя, архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ (которые вмѣстѣ съ Ѳеофановыми въ началѣ книжки приложены, чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилежать началъ къ сочиненію сатиръ.

[1]) Толкованіе на евангеліе Златоуста, неясно переведенное съ греческаго.

ѲЕОФАНЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ,

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

I.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
   Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывати?
   Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
   Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
   Ты и безъ счастья довольно счастливый.

II.

Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
   Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики,
   Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
   А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верхъ славы твоей буди,
   Что тебя злые ненавидятъ люди.

III.

А ты какъ нàчалъ течи путь преславный,
   Коимъ книжные текли исполины;
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
   На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
   Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
   А дýраковъ злость языкъ свой прикуситъ.

ѲЕОФИЛЪ КРОЛИКЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОСПАССКІЙ,

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

Ars est celebris stultitiæ genus
Pernosse, nævos carmine pungere
Cornuto, ut expungas, nocens si
Fors animis dominetur error.

*

Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
Et miscere dulci sic, voluntas
Ut faciat meliora sponte.

*

Utrumque præstas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
Vitabis at si, quæ reprehendis,
Omne feres, Venerande, punctum.

*

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
Laudat & ingenium stultitia ipsa tuum.

*

Quæ contra doctos jectat convitia stultus
Numinis ignarus vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quæ picta veste superbus
In studia assiduo parta labore jacit;
Dives & obtrectat congesto pauper in auro,
Ebrius in doctos, quæ mala probra vomit;
Hæc tu cornuto ventitas carmine Scriptor,
Et quæ sint studiis commoda digna, doces.
Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
Dicant præsidium dulce decusque Deæ!

*

Si te pungo, tace; quia te non nomino, clamas:
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

То есть:
Между науками ученіе морально,
Чтобъ знать пороки злыхъ людей, весьма похвально;
Похваленъ, кто ихъ зла не могучи понесть,
Насмѣшкой тщится злыхъ на путь прямый привесть.
*
Немалое и то благодѣянье въ свѣтѣ,
Кто, вѣдая худой людей развратныхъ правъ,
И съ пользой имъ въ своемъ мѣшая смѣхъ совѣтѣ
Безъ принужденья злыхъ на путь приводитъ правъ.
*
Ты въ обоемъ успѣлъ, что честно и полезно,
Хотя лицо таишь, природой славный князь!
Но если небрежешь то дѣломъ, чтó безчестно,
То совершенъ во всемъ ты и блаженъ сто разъ.
*
И Мудрость, какъ почтить тебя, сама не знаетъ,
Зря, что безуміе твой разумъ похваляетъ.
*
Когда народную къ наукамъ злобу зришь,
Глупцевъ упрямство иль безбожіе винишь,
И грубы щоголей насмѣшки исчисляя,
Не терпишь, что наукъ одежда дорогая
И злато богачу скупому есть милѣй,
Что пьяница на нихъ не промѣнитъ дрожжей.
Всѣ грубости въ стихахъ описывая ѣдкихъ,
Изъ тѣхъ находишь, кто бъ зналъ плодъ ученья рѣдкихъ,
Но по достоинству тебя чтетъ Музъ соборъ,
Что крѣпкой злобѣ ты отъ нихъ чинишь отпоръ.
*
Язвлю тебя? молчи; вѣдь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совѣсть злую.

Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *наставленіе,* дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: *Плеть не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ латинскаго *авторъ.*

Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова *въ нашъ вѣкъ* значатъ путь къ истинной славѣ, который прежде бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7 и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девять сестръ.* Всего труднѣе достигнуть славы чрезъ науки. Девять сестръ. Музы и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Кліо, Ураніа, Евтерпе, Эрато, Ѳаліа, Мелпомене, Терпсихоре, Калліопе и Полимніа. Обыкновенно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы,* сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣченна марморами саду.* Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцы не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ: каковъ отъ отца ему оставленъ достатокъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ монархѣ.* О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ былъ 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музамъ.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

Ст. 17. *Аполлонъ.* Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитаемъ былъ.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого.* Въ Аполлоновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде, нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой Высочайшей особѣ наукамъ. До восшествія на престолъ, Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ венгерца; а потомъ въ 1727 году взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ при томъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ.

Ст. 20. *Жителей парнасскихъ.* Парнассъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Подъ именемъ парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъявляетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки и пріумножить ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ что тому причина была ихъ наука, ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святой Павелъ апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ. Пользуетъ огонь, ежели употребленіе его добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того

ни огонь, ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣчанія достойно, что въ Россіи расколамъ большая причина глупость и суевѣріе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе.* Обыкновенное невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтитъ Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ.* Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ сатирахъ) означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину.* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣности земледѣльцевъ или отъ непорядочнаго воздуха происходить можетъ?

Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учитъ риторика, а наипаче логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще, и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 53. *Строй міра и вещей вывѣдать премѣну имъ причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, медицина или врачебная наука.

Ст. 64. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Докторы, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако нельзя по тому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числить.* Объ астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла о *множествѣ міровъ.*

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Фонтенеллъ о множествѣ міровъ вечеръ 1. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ свѣта: первое и старое, въ которомъ земля за среднюю точку всея системы полагается и неподвижна стоитъ, а около ея планеты, Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венера, вертятся, всякая въ извѣстное время. Сія система, по Птоломею, своему изобрѣтателю, называется *Птоломеевою;* другая, по которой солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ своей совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ нѣмчинъ, и для того *Коперническою* называется. Есть и третія система, Тихобрагова, датчанина родомъ, которая однакожъ изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Трудовъ его у насъ, между прочимъ, остались Элементы, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей геометріи.

Ст. 78. *Безъ алгебры.* Алгебра есть часть математики, весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ математикѣ. Можно назвать ее генеральною ариѳметикою, поколику части ея по большей мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особ-

ливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ араповъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтателями; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то есть, наверстать или соравнять.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали.* Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in prælia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum?

Ст. 100. *Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.* Свидѣтельство сему есть Лотова исторія, котораго дочери, виномъ его упоивши, желаніе свое исполнили.

Ст. 101. *Когда по небу.* Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его элегіи:

In caput alta suum labentur ab æquore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, cœlum findetur aratro,
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

Ст. 107. *Медоръ.* Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертѣть завитыя кудри.* Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, горячими желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку*, то есть, не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты стоической, учитель Нерона, императора римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65; сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, правоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій.* Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій, стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ мѣстечка Анды, въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи

Рима, то есть, въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ римлянъ его любили, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился первымъ стихотворцемъ латинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Бриндѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону.* Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоялся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись, въ такое совершенство привелъ латинское краснорѣчіе, что отцемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста; родился 30 генваря, въ лѣто по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала.* Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала. Не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу.* Извѣстно, что купцы наши по большей части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ.* Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, епископы.

Ст. 132. *Имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые.* То есть, судьи. Ѳемисъ, богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всѣ истинну прикрасу.* Истинною прикрасою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещрена, которую сверхъ всего платья архіереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантіею* называется.

Ст. 136 *Цѣпь отъ злата.* Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса, повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти па-

писанный Спасителя или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ *панагіею* называютъ отъ греческаго слова παναγία, *пресвятая*, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

Ст. 137. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Димитрій, митрополитъ Ростовскій (писатель Житія Святыхъ) цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

Ст. 138. *Клюку предъ тобою,* то есть, *патерицу.* Когда архіерей, выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лѣву.* Разумѣется, руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ.* Выпись есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята; или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора и проч.

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками.* То есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ и, прося, судьѣ ничего не подноситъ.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный законъ, иль народны правы. Гражданскіе уставы* суть законы, учрежденные отъ государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. *Законъ естественный* есть правило, отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

Ст. 155. *Лѣзть на бумажны горы,* то есть, перебирать или читать множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

Ст. 160. *Златый вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно: на златый, серебряный, мѣдный и желѣзный, и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добродѣтели прилежали, удаляясь отъ всякихъ пороковъ.

Ст. 163. *Подъ митрой. Митра* есть шапка архіерейская, въ священнослуженіи употребляемая.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ бываетъ обыкновенно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные седмь мудрецовъ были Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣднихъ включаютъ Періандра, Анахарса и Эпаминонда; а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тиранна, и Ѳепицида Сирскаго. Смотри *Лаеря въ житіи седми мудрецовъ*, стр. 1.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ*, то есть, *подъячій.*

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подъячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того, если желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

Ст. 186. *Седмъ бояръ.* Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая*, то есть, Богъ, который не только премудръ, но самая Премудрость, къ тому жъ и Всеблагій.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ[1]).

ФИЛАРЕТЪ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мо́й? Щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны́, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чи́нъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заво́дъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ ряда́хъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня́ твоя вся здорова;

[1]) „Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало“.

Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужъ-ли твой уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я са̀мъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ доста̀лъ перемѣну чина,
Трифону лента дана̀, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность
Предковъ, къ обществу добру̀ многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

Часть ты прямо отгада̀лъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто еще не всѣ стѐръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продава́лъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, са́льные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подо̀выми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степѐнь вспрыгнувши блистаетъ[1]);
А благородство моѐ во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ ни какой польги.
Знатны ужъ предки мой были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ по̀ръ въ углу не сидѣли,
Государства лу̀чшими чинами владѣли.
Разсмотри гербо́вники, грамотъ виды разны,
Книгу родо̀словную, записки приказны;
Съ прадѣдова пра́дѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;

[1]) Здѣсь ясенъ намекъ на князя Меншикова, который, какъ говорили, въ ранней юности продавалъ подовые пироги.

Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умо́мъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на простра́нныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали стро́й, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки и́хъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу̀ остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ вѐрхъ; какъ его не стало,
Государства пра̀вое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка вы́ѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему̀ головою въ ноги;
Всегда за нимъ вы́борна таскалася свита,
Что ни день рано съ утра̀ крестова набита
Тѣми, которыхъ тепѐрь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ бра́тъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кла̀нялись съ полными руками?
И когда батюшка къ ни́мъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ ра̀дости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хва́стая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говори́ть, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кла̀дъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко̀ мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя̀, куды глазъ ни вскину?

ФИЛАРЕТЪ.

Слышалъ я важну твое́й печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я̀ лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю́: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ то́, сей вымолвитъ ясно[1]).
Благородство бу́дучи заслугъ мзда, я знаю

---

[1]) Т. е.—что̀ на умѣ, то и на языкѣ.

Сколь важно, и много въ нѐмъ пользы признаваю.
По̀честь та къ добрымъ дѣла̀мъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковы̀хъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни до̀мъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жи́знь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одно́й всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно̀, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту̀, добыту трудами
Предковъ своихъ[1]). Гра́мота, плѣсню и червями

---

[1]) „Мы сказали, замѣчаетъ г. Дудышкинъ, что Кантемиръ въ этой сатирѣ по содержанію совпадаетъ съ Ювеналомъ. Основная мысль того и другого та, что у благороднаго человѣка, кромѣ достоинствъ родовыхъ, кромѣ имени, наслѣдованнаго отъ знаменитыхъ предковъ, должны быть и достоинства личныя, или что одно и тоже, благороднымъ дѣлаетъ человѣка: добродѣтель—по Ювеналу, или: личныя достоинства — по Кантемиру. Эта мысль, выработавшаяся у насъ исторически изъ мѣстничества, можетъ быть также объяснена и съ другой стороны, чисто нравственной. Какъ только отъ человѣка потребовалось образованіе и благородство нравственное, для службы государственной, и какъ только явились люди изъ низшаго сословія съ этими двумя достоинствами, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ ихъ поставить въ отношеніи къ лицамъ высшаго сословія, соединяющимъ въ себѣ тѣже условія образованія и нравственнаго достоинства? Ихъ дѣятельность на службѣ государственной говорила въ ихъ пользу. Человѣкъ, получившій образованіе, по суммѣ богатствъ духовныхъ, естественно становится выше каждаго не получившаго образованія, точно также какъ человѣку, одаренному высшею степенью ума, невольно покоряются, въ области мысли, люди низшіе въ умственномъ отношеніи, хотя бы и въ общественныхъ отношеніяхъ не зависящіе отъ нихъ. Однимъ словомъ, благородство и личныя достоинства были необходимымъ результатомъ той образованности, которую старались дать русскому обществу во времена Петра. Такимъ образомъ явилась табель о рангахъ, и мѣста по службѣ начали даваться не на основаніи правъ родства и рода, а на основаніи чина, должности, кототорую кто-либо по образованію своему былъ въ состояніи занимать, т. е. на человѣка начали смотрѣть какъ на человѣка, а не какъ на сына, брата, дядю, племянника. Это, какъ всѣмъ извѣстно, случилось въ цар-

Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель[1]);
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ-ли ты самъ труды военны?
Разогналъ-ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ-ли власти
Нашей рубежъ? судъ судя, забылъ-ли ты страсти?
Облегчилъ-ли тяжкія подати народу?
Приложилъ-ли царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены-ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть-ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь-ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки-ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь-ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?

ствованіе того же Петра Великаго, который потребовалъ для службы образованія, какъ перваго условія, и старался для этого открыть школы и посылалъ молодыхъ людей учиться за границу. Слѣдовательно, эти оба начала образованности и личности у насъ необходимо должны были совпасть и принести пользу обществу потому, что вытекали необходимо изъ христіанской религіи, уважавшей въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего человѣческую сторону. Не то было въ древнемъ Римѣ, гдѣ религія была дѣло общественное, государственное, гдѣ каждый патрицій и плебей имѣлъ значеніе, какъ римскій гражданинъ, а не какъ человѣкъ, гдѣ слѣдовательно введеніе личности христіанской, а еще прежде личности стоиковъ, клонилось прямо къ разрушенію общества, а не къ возсозданію его. Напрасно старались распространить на всѣхъ право гражданства и замѣнить этимъ возникавшія въ обществѣ личности человѣка: то общество, которое было основано на прежнихъ началахъ, изжило свои силы физическія и не могло принять обновленія, уже появившагося во времена Ювенала и въ видѣ греческой, преимущественно платоновой философіи, и въ видѣ христіанскаго ученія. Поэтому Ювеналъ, когда хотѣлъ показать цѣль, къ которой должны стремиться римляне, указывалъ на прошедшее, а не на будущее, или совѣтовалъ умереть съ твердостію". (Статья г. Дудышкина, „Соврем." 1848 г., XI).

[1]) Свидѣтельствуетъ о нашемъ знатномъ происхожденіи.

Изрядно можешь сказа̀ть, что ты благороденъ,
Можешь счесться Гѐктору или Ахиллу сроденъ;
Іулій и Алекса̀ндръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебя̀ звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты̀ не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нѐйбуша, таковы-ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему̀, отречется трожжи [1]);
Знаетъ онъ, что пива тѣ̀ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не ка̀къ пиво сладки.
Разнится потомкомъ бы̀ть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ бы̀ть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кро̀вь, таже плоть, тѣ жъ кости.
Буквы, къ нашимъ имена̀мъ приданныя, злости
Нашей не могутъ прикры̀ть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ дрѐвнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена̀ красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что непра̀ведно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ у̀мъ, буде опираться
Станемъ мы на ихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ брѐменемъ, если сами въ силу
Нужную не приведѐмъ ту подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ труды̀ ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ро̀тъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ нѐдруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;

---

[1]) Т. е. трижды.

Всѣхъ были разли́чные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подража̀лъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя̀ и въ пару не знати[1]).
Потрись на оселку, дру́гъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря̀, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда́ войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху́ тѣломъ и душею,
Грозно со́плешь[2]), ко́гда дня̀ пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнулъ, растворилъ глаза́, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ-друго́й, нѣжишься ожидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая[3]),
Изъ постели къ зе́ркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попече́ніи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плѐчь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ во́лосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ игра́ть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому́ строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты са́мъ, новый Нарци́съ, жадно
Глотаешь очьми себя̀; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя̀, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ̀ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башма́къ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь пото̀мъ на себя ты цѣлу.
Не столько сто́итъ наро́дъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по пра́виламъ щегольства и моды:

[1]) Изъ-за другихъ не могутъ замѣтить тебя въ пару, въ поту отъ трудовъ.

[2]) Сопишь, спишь.

[3]) Т. е. кофе или чая.

Пора[1]), мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зелень въ го́родѣ не досажалъ глазу[2]),
Чтобъ бархатъ не отягча́лъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хва́стала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы̀ всякаго дни звоны.
Долголѣтняго путѝ въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудо́въ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнѐсъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны̀ тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубокѝ и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ нѐ были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ бы̀ть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько гру̀дь окружа прибавить;
Въ лѣто или о̀сенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбѝть пристойно какою,
Что приличнѣе нашѝть, сребро иль злато,
И Рексу лучше тебя̀ знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на у̀жинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто по́лъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ро́тъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзе́й тебя окружаетъ,
И глодая до косте́й самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузырѐмъ, чаешь, [3]) что по̀дъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;

[1]) Время года.

[2]) Чтобъ въ безобразіе тебѣ зеленый цвѣтъ въ городѣ не досаждалъ нѣжному глазу.

[3]) Т. е. какъ не умѣющій плавать, поднятый на поверхность воды пузырями.

Скоро станетъ въ глаза́; притворство минется, [1]
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицо́ точатъ слова сладки):
Ты самъ неотступно то́ время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ не спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и по́томъ [2]
Предковъ скоплено добро́. Деревня со ско́томъ
Не первая ужъ пошла́ въ бережную руку
Того, кто мало предъ си́мъ кормился отъ стуку
Молота по жа́ркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жа̀ръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опира́ть щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій дѐнь и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣна́хъ большой твоей залы
Видишь надписи, проче́сть трудъ тебѣ немалый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назва́ть черту, что копая
Воинъ предъ собой веде́тъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-па́губныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ, грозно разсе́дшися, земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна́ часть въ четверобочникъ
Строится, гдѣ бо́лѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ у́жъ превосходны силы
Оплошнаго не́друга надежду прельстили.
Много вышнихъ тре́буетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ иску́ствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто, годно къ бою́, видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопа́сности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враго́въ тайные совѣты,
Временно предупреждàть удобенъ навѣты,

---

1) Перестанутъ притворяться.

2) Ставишь на карту добро, скопленное мозолями (отъ работъ) и по̀томъ твоихъ предковъ.

О обильности въ своéмъ таборѣ печется
Неусыпно, и любóвь ему предпочтется
Войска, и не будетъ ѝмъ за страхъ ненавидимъ;
Отцомъ невинный нарóдъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью: врагàмъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умóмъ и храбростью красенъ.
Не спѣшитъ дѣло начáть, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не стóль бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счáстiи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній,
Слыхалъ ли? Самыхъ числу̀ дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстѝть смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не крáсть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корáбль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоѐмъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшѝшь; гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и бокóвъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска, толстá пальца лишь въ четыре:
Твоя душа трѐбуетъ разстояння шире,
И писана смерть тебя̀ дрожать заставляетъ;
Одинъ холопъ лишь твою̀ храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчáть тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому̀, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ сáмаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему̀, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежъ на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказáлъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру поставя частя̀хъ мiра, и межъ ними
Взаимно соглáсiе; лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце, не могу
Отъ дивнаго камня взя̀въ силу, намъ дорогу

Надежную въ безднѣ вóдъ показать удобны;
Небесъ положéніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводнúкъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кóрмчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновáть, иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ чáсъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нúмъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержáть, вступя въ бой удобный,
Трудъ немалый. Нá морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Начальниковъ дóлжности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компáсъ, нежъ строй и осада.
За краснымъ судить сукнóмъ адамлевы чада,
Иль править достоинъ тóтъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегдà мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумóй, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лицá, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и однá правда превосходна;
Кого не могутъ прельстúть: въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея дрýгъ дьякъ или подьячей;
Чтобъ, чрезъ руки ихъ прошéдъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знáть и листъ и страницу[1]),
Что отъ нападéнія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спàсть, и сиротъ спокойну
Уставить жизнь, предписàвъ плутамъ казнь достойну.
Наизустъ онъ знаетъ всѐ естественны права,
Изъ нашего вы̀сосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рýкъ указы Петровы,
Коими стали мы вдрýгъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другúхъ, не меньше обильный,
Завиднымъ врагу, и въ нéмъ злобу унять сильный.

[1]) Книги законовъ.

*

Можешь-ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей одноличнa).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живѣтъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арапскаго языка, права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны.
  Если въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю
Не хуже Клита носить ключъ золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволѣнъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остороженъ—свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится[1]),
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не трѣбуетъ, кому оно дружно,
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшѣдъ, мягки не расплавилъ,
Короткій языкъ, лицо и радость удобно

---

[1]) Не краснѣетъ.

И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаитъ правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный.
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, завнсть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще бъ можно извинить, если знатный тужитъ,
Видя, что счастье во всѣмъ слѣпо тому служитъ,
Кого сколько теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ

Мужъ таковъ, кой до̀брыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и по̀лезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Три̇фонѣ и въ Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ и̇хъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны̀, вѣрность ихъ немала;
Слава наша съ трудовъ и̇хъ нѣчто восприяла.
Правда, въ царство О̀льгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства дрѐвностью считаться съ тобою
Имъ не льзя; да что съ того̀? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный ро̀дъ, какъ въ древнiе вѣки
Твои предки, когда Ру̀сь стали крестить греки.
И твой родъ не все тако̀въ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ [1]) твои̇хъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца сла̀вою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллiй бы̀лъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не роди̇лъ, но одному сыну
Жребiй былъ копать садъ, па̀сть другому скотину;
Ное въ ковчегѣ съ собо̀й спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли̇, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху̀; другой попозднѣе.

ПРИМѢЧАНIЯ.

Намѣренiе сей сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравiя, однимъ благородiемъ тщеславятся и сверхъ того завидуютъ всякому благополучiю другихъ, кои чрезъ свои труды изъ подлости въ знатное достоинство происходятъ. Писана она мѣсяца два спустя послѣ первой, разговоромъ между Филаретомъ и Евгенiемъ, кои вымышленныя имена значатъ на греческомъ языкѣ, первое *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.

---

[1]) Изъ предковъ. Въ § 75 своего разсужденiя о стихосложенiи Кантемиръ замѣчаетъ: „*съ* вмѣсто *изъ* общiй обычай разговора узаконяетъ. Кто не вѣдаетъ, что по вся дни говоримъ *съ устъ его, съ золота* вмѣсто *изъ устъ, изъ золота*“.

Стихъ 2. *И глаза красны.* Отъ слезъ глазà краснѣютъ такъ же, какъ и отъ безсонницы.

Ст. 3. *Какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати.* Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р***, который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской; а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ.

Ст. 5. *Цугомъ ли запрещено ѣздить.* Въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ.

Ст. 6. *Слугъ пеленать въ злато.* Украшать платье слугъ своихъ золотомъ. Узоры, коими обыкновенно платье ихъ выкладываютъ, много на пеленанье походятъ.

Ст. 7. *Вина ль дорогова.* Вина дорогія разумѣются венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше всѣхъ другихъ въ почтеніи.

Ст. 9. *Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ.* Стихотворцы изображаютъ обильство или изобиліе въ лицѣ жены, которая держитъ въ рукѣ большой рогъ, и изъ него сыплетъ овощи, деньги, бисеры и прочія вещи.

Ст. 10. *Не претитъ,* вмѣсто не запрещаетъ, не мѣшаетъ.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филаретъ Евгенію, который прежде съ природы былъ говорливъ, а теперь противно праву своему молчитъ.

Ст. 16. *Дамонъ.* Имя вымышленное, какъ въ слѣдующемъ стихѣ Трифонъ и Туллій.

Ст. 17. *Лента дана,* то есть пожалована кавалерія, которыя на лентахъ носятся.

Ст. 22. *Какъ въ попахъ соборныхъ.* Соборныя церкви называются, у которыхъ нѣсколько поповъ служитъ. Рѣдко въ такихъ попахъ согласіе бываетъ, какъ то одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ.

Ст. 31. *Ни какой польги.* Лучше бы было написать *ни какой пользы;* но здѣсь для риѳмы употреблено народное слово вмѣсто чистаго русскаго.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга, жена Игоря, сына Рюрикова, перваго россійскаго самодержца. Она первая приняла христіанскую вѣру и распространила силы и славу россійскаго государства; почитается во святыхъ подъ именемъ Елены, которое ей дано въ крещеніи. Начала царствовать въ 950 лѣто по Рождествѣ Христовѣ. См. *Синопсисъ Россійской Исторіи,* стр. 37.

Ст. 38. *Думнаго, Намѣстника.* Думные бояре изстари то-жъ были, что теперь тайные совѣтники. Намѣстниками назывался губернаторы. Имена сихъ чиновъ отмѣнилъ императоръ Петръ Великій въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Ст. 41. *Стѣны нашей залы.* Видно, что у отца сего дворянина въ залѣ по стѣнамъ расписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ. Зала слово французское, sale, *большая палата.*

Ст. 43. *Какъ рвали строй, какъ ломали валы*, то есть, какъ, побѣждая войска непріятельскія, брали города.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за нимъ слѣдовали.

Ст. 50. *Крестова.* Передняя горница такъ называлась, въ коей въ старину обыкновенно отправлялись молитвы утреннія и вечернія, и за тѣмъ вся восточная стѣна убрана была иконами и крестами; отчего принадлежащіе къ господскимъ домамъ попы *крестовыми попами* назывались.

Ст. 54. *Съ полными руками.* Съ подарками.

Ст. 60. *Кладъ богатый явился.* Многіе у насъ суевѣрно думають, будто кладъ, то есть закопанныя въ землю сокровища, счастливымъ являются въ видѣ кошки, собаки и другихъ животныхъ, и гдѣ они покажутся, на томъ мѣстѣ копать должно землю въ надежде богатой находки.

Ст. 66 и 67. *Лукавыхъ примѣты, лесть, похлебство.* Два порока, весьма свойственные лукавымъ людямъ, и по которымъ тотчасъ ихъ признать можно.

Ст. 69. *Благородство будучи заслугъ мзда.* Когда дворянство дается кому въ награжденіе заслуги, то оно весьма важно; въ противномъ случаѣ пустое и безплодное имя.

Ст. 70. *Много въ немъ пользы признаваю.* Много пользы государству, потому что такія награжденія и казнѣ не дорого становятся, и гораздо лучше ободряютъ людей къ похвальнымъ дѣламъ, не только для того, что дворянское имя, переходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что дворянское имя, преходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что во многихъ надежда богатствъ меньше дѣйствуетъ, нежели надежда чести и славы.

Ст. 77. *Но тщетно имя оно.* Оно, т. е. дворянство.

Ст. 80. *Грамота плѣснью и червями.* Грамота, которою почесть дворянства предкамъ нашимъ пожалована или подтверждена, и за древностію уже молью и червями попорчена, засвидѣтельствуетъ,

правда, что мы происходимъ отъ знатныхъ людей, но не покажетъ насъ быть благородными. Одна собственная наша добродѣтель можетъ намъ присвоить благородіе.

Ст. 88. Переводъ 20 ст. 8-й сатиры Ювенала: Nobilitas sola est atque unica virtus.

Ст. 83. *Презрѣвъ покой, снесъ ли ты.* Отъ сего стиха по 97-й есть подражаніе Боаловыхъ сат. V, отъ стиха 44 по 54.

> Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux?
> Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice?
> Respectez vous les loix? fuyex vous l'injustice?
> Savez vous pour la gloire oublier le repos?
> Et dormir en plein champ le harnois sur le dos?
> Je vous connais pour noble à ces illustres marques, etc.

Ст. 86. *Судъ судя, забылъ ли ты страсти.* Забылъ ли ты свои страсти, которыя часто право судить мѣшаютъ.

Ст. 92. *Впредь воля и сила.* Ко всякому предпріятію одна воля не довольна, нужна и сила: много мы хотимъ, мало что́ можемъ.

Ст. 96. *Вѣришь ли, что всякъ человѣкъ тебѣ подобенъ.* Не предпочитаешь ли себя прочимъ людямъ? Чаешь ли, что они тебѣ подобны? Что ты ихъ не лучше, не безстрастнѣе; что они тебѣ въ добродѣтеляхъ соравняться могутъ, буде не превосходятъ?

Ст. 98. *Ектору иль Ахиллу.* Ахиллъ, сынъ Пелея и Ѳетиды, былъ храбрый князь греческій. На троянскую войну отъ отца съ войскомъ посланъ, многіе свыше мѣры мужества знаки показалъ. Ектора, сына Пріама, царя троянскаго, Еленина-же брата, за которую война взгорѣлася, убилъ и грековъ всѣхъ почти самъ одинъ спасъ отъ рукъ троянскихъ. Екторъ по Ахиллѣ былъ знаменитѣйшій мужествомъ въ помянутой троянской войнѣ.

Ст. 99. *Іулій и Александръ.* Іулій Цесарь, первый римскій императоръ, сынъ Луція Цесаря и Авреліи, Коттовой дочери, въ 17-е лѣто своего возраста получилъ чинъ великаго священника Юпитерова, потомъ чрезъ чины трибуна, квестора, едилла и великаго Понтифекса, въ консулы происшедъ, въ томъ чину пять тріумфовъ получилъ. Одолѣвъ Помпея, своего непріятеля, вѣчнымъ диктаторомъ объявленъ, и силою самовластіе досталъ, въ сенатѣ внезапно убитъ, умеръ 15-го марта 43 лѣтъ прежде Христа, поживъ 56. Александръ Великій, царь македонскій, сынъ Филиппа и Олимпіи, Даріевъ побѣдитель, родился іюля 6, 356 лѣтъ прежде Христа, умеръ въ Вавилонѣ, опоенъ ядомъ, въ 33-е лѣто своего возраста.

Ст. 102. *Не разнится съ псарскимъ.* Разумѣется, съ псарскимъ сыномъ.

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша.* Генералъ-маіоръ Нейбушъ, пріятель нашего стихотворца, былъ знатный пиволюбецъ; впрочемъ честный весьма человѣкъ и храбрый воинъ, къ которому онъ имѣлъ крайнее почтеніе.

Ст. 107. *Разнится потомкомъ быть и проч.* Понеже одна добродѣтель можетъ показать насъ благородными, какъ выше сего упомянуто. Разницу должно поставлять межъ истиннымъ благороднымъ и межъ тѣмъ, который отъ благородныхъ предковъ происходитъ; сего должно бы звать потомкомъ благородныхъ, а не благороднымъ.

Ст. 108. *Та-жє и въ свободныхъ. Свободный* тутъ значитъ *дворянина* или *всякаго вольнаго человѣка*, не холопа. Межъ такимъ вольнымъ человѣкомъ и холопомъ природа ни какой разницы не поставила въ составѣ тѣла: та-жъ кровь, тѣ-жъ кости, та-же плоть. Потому ежели кто отъ холопа, отъ черни отличиться желаетъ, долженъ отличаться добрыми дѣлами, добрыми нравами. Одно имя дворянское не можетъ прикрыть наши пороки; а тѣ пороки, тѣ наши худые нравы скоро могутъ то при умныхъ людяхъ учинить, что они позабудутъ, что мы происходимъ отъ славныхъ и благородныхъ родителей.

Ст. 110. *Буквы.* Изъ которыхъ составлено титло князя, графа и прочихъ степеней дворянства.

Ст. тотъ же. *Злости.* Злые нравы.

Ст. 112. *Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы.* Сроднымъ порядкомъ рѣчей: вдругъ истребятъ въ умныхъ людяхъ память древнія славы. Чернь дивиться будетъ твоимъ титламъ, а умные люди, примѣчая твои злочинства, не только тебя презирать будутъ, но и совсѣмъ забудутъ древнюю славу твоего рода.

Ст. 113. *И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка.* Въ одной Езоповой притчѣ читаемъ, что галка, укравши отъ разныхъ цвѣтныхъ птицъ перья, ими украсилася; но какъ скоро сіи увѣдали воровство, напали на нее, и всяка свои перья отобравъ, бѣдная галка осталася гола и въ насмѣшку всѣхъ зрителей. Таковъ дворянинъ безъ добродѣтелей, въ которомъ имя славное есть чужая украса.

Ст. 114. *Будетъ имъ.* Имъ—умнымъ людямъ.

Ст. 115. *Неправедно забыта бываетъ.* Стихотворецъ, показавъ, что имя благороднаго ничѣмъ не должно пользовать злонравному, приступаетъ уже доказывать, что и службы предковъ не можно таковому потомку приводить для полученія почестей и степеней. Для побужденія къ охотной службѣ нужно, чтобъ потомки плодами трудовъ предковъ своихъ наслаждалися; понеже когда образецъ милости и благодарства вышнихъ въ комъ видимъ, тогда ревнуемъ

усердно, чтобъ могли и мы себѣ то-же получить, какъ же инакъ въ смертныхъ насъ можно продлить образецъ тотъ, развѣ продолжая награжденіе потомству того, кто онаго первый достоинъ показался? Къ тому-же всякъ, разсуждая краткость жизни своей, не такъ бы прилежалъ въ пользу отечества, если бы награжденіе трудовъ не шло въ наслѣдство; любовь же отъ себя происшедшихъ убѣждаетъ и своего житія не щадить, чтобъ ихъ благополучное было. Но все вышепомянутое тогда нужно, когда потомки въ правахъ успѣваютъ, то есть благонравія виды издаютъ и надежду являютъ, что нѣкогда могутъ быть полезны, и какъ обидно бы было лишать благонравныхъ потомковъ плода трудовъ ихъ предковъ, такъ безразсудно бъ было потомкамъ всю надежду свою поставлять на однѣ тѣ предковъ службы, и затѣмъ самимъ унывать въ лѣности и въ другихъ злонравіяхъ.

Ст. 118, 119, 120. *Столбы сокрушатся* и проч. Не должно опираться на однѣ службы предковъ, понеже онѣ не даютъ намъ ни какого права требовать себѣ новое награжденіе, пока сами своими нравами не заслужимъ того, чтобъ тѣ, кои награждать насъ могутъ, вспомнили службы нашихъ предковъ.

Ст. 121 по 125. *Свѣтлой воды* и проч. Предки тебѣ трудами своими расчистили ключъ воды чистой, сирѣчь дорогу къ чинамъ, къ богатству, къ славѣ; вольно тебѣ пользоваться ихъ трудомъ, но нельзя пользоваться, буде не станешь черпать чистою чашею, т. е. буде самъ ты не очистишь себя отъ злонравія, буде не приложишь собственный трудъ.

Ст. 125. *Ты самъ праотцевъ твоихъ.* Смотри выше сего стихъ 32 по 46.

Ст. 126. *Пала она и дѣламъ и нраву.* Предки твои достали свою славу чрезъ свои нравы и чрезъ свои дѣла.

Ст. 133. *Потрись на оселку, другъ,* и проч. Ты самъ призналъ, что предки твои достали свою славу трудами своими и своимъ добронравіемъ. Потому разсмотри самъ свои дѣла, и потомъ суди, являешь ли ты въ себѣ такой знакъ благороднаго рожденія, и правильны ли твои жалобы, что тебя забываютъ въ углу, когда подлыхъ [1]), но добронравныхъ въ чины производятъ. Извѣстно, что на оселку трутъ серебро и золото, чтобъ вызнать тѣхъ рудъ доброту.

Ст. 135. *Пѣлъ пѣтухъ* и проч. Сатирикъ начинаетъ Евгеніеву жизнь изслѣдовать, чтобъ ему доказать, что ни какой заслуги и хвальнаго нрава и знанія въ себѣ не имѣетъ, и что потому достоинъ быть забытымъ.

---

[1]) Т. е. не дворянъ.

Ст. 136. *Тогда войско выводили.* Подражаніе десятаго стиха VIII Ювеналовой сатиры:

. . . . . Si dormire incipis ortu
Luciferi, quo signa duces & castra movebant.

Ст. 142. *Пойло, что шлетъ Индія.* Кофе или шоколадъ. Лучшій кофе приходитъ изъ Аравіи, но и во всѣхъ Индіяхъ тотъ овощъ обиленъ. Всѣмъ ужъ у насъ извѣстно, что тотъ овощъ, сжаривъ, смоловъ мелко и сваря въ водѣ, вмѣсто завтрака служитъ, и прихотливымъ въ забаву послѣ обѣда. *Шоколадъ* есть составъ изъ орѣха, *какао* называемый, который растетъ въ Индіяхъ Западныхъ, изъ сахару и изъ ванильи, другаго пахучаго овоща той же Индіи. Тотъ составъ варятъ въ водѣ или молокѣ, и пока варится оный, часто болтаютъ, чтобъ пить горячій съ пѣною, и то пойло вмѣсто завтрака принимается во всей почти Европѣ.

Ст. тотъ-же. *Иль везутъ съ Китая.* Сирѣчь чай. Всѣмъ извѣстно же, что лучшій чай (пахучій и вкусный листокъ древа такъ называемаго) приходитъ изъ Китая, и что того листика вложивъ щебень въ горячую воду, вода та становится, приложивъ кусокъ сахару, пріятное пойло.

Ст. 145. *Женскихъ достойную плечъ.* Евгеній спитъ до полудня, и позднѣе, проснувся, тянется и нѣжится въ постели, пока по завтракѣ начинаетъ убирать свои волосы. Для того убору вскинетъ на плечи тонкую полотняную завѣску, которая въ то время обыкновенно вздѣвается, чтобъ остеречь платье или рубашку отъ пудры, что на волосы сыплется.

Ст. 146. *Волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.* Завиваешь кудри и устроиваешь волосокъ къ волоску съ многимъ прилежаніемъ, чтобъ всѣ лежали красиво и порядочно.

Ст. 147. *Часть надъ лоскимъ лбомъ* и проч. Такъ щегольство раздѣляетъ волосы убранные на три доли: часть обыкновенно надъ лбомъ, коротенько обрѣзавъ, гребнемъ торчитъ, часть свободно играетъ, завиты въ колечки, и большая часть къ темю, связавъ тесьмою, вкладывается въ черный тафтяной мѣшокъ, который виситъ по спинѣ.

Ст. 150. *Племя тебѣ подобныхъ.* Такому искусному убору волосъ твоихъ дивятся люди тебѣ подобные, которые всю свою славу въ убранствѣ ставятъ. Умный человѣкъ презираетъ внѣшнюю и объ одной внутренней украсѣ печется.

Ст. 151 и 152. *Ты самъ новый Нарциссъ жадно глотаешь очьми себя.* Тебѣ подобные дивятся твоему убранству; да ты и самъ, какъ Нарциссъ, не можешь на себя наглядѣться, жадно себя въ зеркалѣ

своемъ смотришь и любуешься. *Нарциссъ* по баснословію древнихъ былъ сынъ рѣки Цефица и нимфы Ліріопеи, столь красивый, что всѣ въ него влюбливалися. Въ жаркіе лѣтніе дни, приклонився онъ въ колодезю напиться и увидѣлъ себя, и самъ въ себя влюбился; но узнавъ, что самъ собою свою похоть исполнить не можетъ, съ печали умеръ.

Ст. 153. *Потъ съ слуги валится.* Слуга, надѣвая тебѣ тѣсные башмаки, вспотѣлъ.

Ст. 154. *Въ двѣ мозоли и тебѣ.* Тѣсные башмаки часто натираютъ мозоли; однакожъ щеголь готовъ и тою болѣзнію купить красу оную, чтобъ имѣть маленьку ножку.

Ст. 155. *Избить полъ и подъ башмакъ.* Чтобъ натянуть тѣсный башмакъ на ногу, нужно долго и сильно бить ногою въ полъ, и подмазывается тогда подошва башмака мѣломъ, чтобъ не скользить, и тѣмъ лучше опираться можно было.

Ст. 156. *Деревню вздѣнешь.* Вздѣнешь кафтанъ пребогатый, который сталъ тебѣ въ цѣлую деревню. Видали мы такихъ, которые деревни свои продавали, чтобъ себѣ сшить уборный кафтанъ.

Ст. 157. *Не столько стало народъ.* Стихъ, у Виргилія взятый въ Енеидѣ, книгѣ I:

Tantae molis erat Romanam condere gentem.

Смотри тамъ, какіе были труды Енеевы, пока прибылъ въ Италію и поселилъ своихъ людей. Не меньши были труды его наслѣдниковъ въ утвержденіи и распространеніи римской области.

Ст. 159. *Щегольства и моды. Мода* слово французское, *Mode*, значитъ обыкновеніе въ платьѣ и уборахъ и самыхъ нравовъ человѣковъ. Крестьяне у насъ называютъ *повѣрьемъ.*

Ст. 161 и проч. по 165. *Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ* и проч. Щегольскія правила требуютъ, чтобъ красный цвѣтъ, а паипаче шипковый не употреблять тѣмъ, коимъ двадцать лѣтъ минули; чтобъ не носить лѣтомъ бархатъ, или зимою тафту, или въ городѣ зеленый кафтанъ, понеже зеленый цвѣтъ въ полѣ только приличенъ.

Ст. 170. *Фалды должны тверды быть.* Когда сатира сія писана, обычай былъ, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли бъ по ногамъ, для того подшивали ихъ ситою.

Ст. 171. *Въ полъ-аршина глубоки.* Глубина фалда есть ширина его сгибы.

Ст. 172. *Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты.* То есть, чтобъ станъ былъ короче, нежели разстояніе межъ клиньями и подоломъ кафтана,

Ст. 178. *И Рексу.* Рексъ портной. Смотри примѣчаніе о немъ подъ стихомъ 26-мъ сатиры I.

Ст. 179. *Въ обѣдъ и на ужинъ.* Филаретъ, описавъ каково Евгеній проводитъ время предъ обѣдомъ, въ чрезмѣру излишнемъ попеченіи о уборѣ своего тѣла, уже вступаетъ изслѣдовать прочіе его пороки. Пьянство первое встрѣчается, ибо пьянымъ часто свѣча въ глазахъ двоится, и полъ кажется подъ ногами вертится.

Ст. 186. *Вздутымъ поднятъ пузыремъ.* Пока Евгеній, пьючи и обжираяся, толпа льстецовъ выхваляютъ въ немъ для своей корысти то, чего въ немъ сами не находятъ; онъ имъ довѣряетъ, и тѣмъ разгордѣвъ, чаетъ, что прочіе люди съ нимъ примѣняться не могутъ. Извѣстно, что младенцы подвязываютъ себѣ пузыри, чтобъ способнѣе плавать въ водѣ.

Ст. 188. *Оглянись намѣстниковъ.* Выше сего Евгеній сказывалъ, что изъ его предковъ никто не былъ ниже думнаго боярина или намѣстника, и для того Филаретъ насмѣшкою называетъ его *чистымъ сѣменемъ царскихъ намѣстниковъ.*

Ст. 193. *То время.* Въ которомъ, сирѣчь, похлебники твои уже и въ глаза тебѣ станутъ смѣяться.

Ст. 194. *Пестрыхъ пучки бумагъ.* То есть карты, въ которые всю жизнь свою играешь.

Ст. 196. *Деревня со скотомъ.* Промоталъ ты уже не одну деревню, которую купилъ у тебя человѣкъ незнатный, кузнецъ, но человѣкъ умный, бережный, прилежный.

Ст. 200. *Приложился сильный жаръ.* Безпрестанную игру и невоздержность въ похотяхъ уподобляетъ сатирикъ двумъ болѣзнямъ, жару и поносу; въ самомъ дѣлѣ злонравія суть душевныя болѣзни.

Ст. 201. *Часто любишь опирать.* Любишь часто валяться на постелѣ въ праздности и бездѣліи.

Ст. 202. *Въ томъ.* Сирѣчь, въ тунеядствѣ.

Ст. 203. *Но тѣ, что стѣнахъ твоей.* Сіи рѣчи Филаретовы относятся къ стиху 41-му, гдѣ Евгеній упоминалъ о салѣ своихъ палатъ. «Хвастаешь», говоритъ ему Филаретъ, «старымъ родомъ, заслугами предковъ, а самъ не только всякими злонравіями изобилуешь, но и всякаго приличнаго знанія и искусства лишаешься: въ началѣ и читать не умѣешь».

Ст. 205. *И помочь чужая нужна, чтобъ знать.* Буде читать Евгеній не умѣетъ, еще больше невѣжъ въ искусствѣ военныхъ наукъ.

Ст. 206. *Черту, что копая* и проч. Сирѣчь *шанцы.* Всѣмъ извѣстно, что когда приступъ чинится къ городу, войско осаждающее, для безопаснѣйшаго приближенія къ стѣнамъ, копаетъ прямые рвы,

въ которые врывается идучи, и кидая землю противъ стѣнъ, чтобъ тою защищаться отъ городовой стрѣльбы.

Ст. 208. *Гдѣ стѣны часть одна помалу.* Гдѣ, сирѣчь, стѣна городовая разбита пулями, гдѣ подорвана подкопомъ.

Ст. 212. *Спомочникъ.* Вмѣсто помочь.

Ст. 213. *Рѣдкимъ полкамъ.* Рѣдкимъ за надежемъ убитыхъ въ бою.

Ст. 213 и 214. *И гдѣ ужъ отмѣнены силы.* Обыкновенно непріятель, чрезъ всякіе способы извѣдавъ состояніе войска, противъ котораго биться имѣется, наступаетъ съ той стороны, гдѣ знаетъ слабѣйшимъ; потому искусный воевода иногда благовременно предъ самымъ боемъ отмѣняетъ расположеніе полковъ своихъ, и тѣмъ прельщаетъ надежду оплошнаго непріятеля, который, чая напасть на слабый полкъ, находитъ противъ себя цвѣтъ всего войска.

Ст. 215. *Много вышнихъ требуетъ.* Дворянству предлежатъ три рода службы: военная, судейская, придворная; во всѣхъ тѣхъ къ исправленію должности своей, наипаче въ вышнихъ степеняхъ, требуется много различныхъ знаній и искусствъ. То самое Филаретъ начинаетъ изъяснять Евгенію; не долженъ однакожъ читатель искать въ забавныхъ стишкахъ подробное изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ знаній, на которое дѣло цѣлыя большія книги уже отъ искуснѣйшихъ составлены.

Ст. 216 и 217. *И входъ и исходы и мѣсто.* Искусный воевода предъ боемъ прилежно изслѣдуетъ не только чѣмъ бой начать и какъ мѣсто занять удобнѣйшее, но какъ изъ бою выйти, наипаче ежели случится неудачливъ, чтобъ по меньшей мѣрѣ оставшихъ людей спасти. Расположеніе войска къ бою должно быть главнѣйшее попеченіе воеводы, понеже обыкновенно отъ того зависитъ удача или несчастіе битвы.

Ст. 218 и 219. *Лишной безопасности.* Множество примѣровъ въ исторіяхъ находимъ, что лишная безопасность воеводъ была пагубна и самымъ побѣдоносным войскамъ, для того нужно не спускать съ глазъ непріятеля, всегда за нимъ смотрѣть и извѣдывать о его намѣреніи и поступкахъ, такъ чрезъ посыльныхъ, какъ и чрезъ перемѣтчиковъ. О славномъ послѣдняго Цесаря воеводѣ принцѣ Евгеніи Савойскомъ примѣчено, что онъ ни денегъ, ни трудовъ въ томъ не жалѣлъ, и всегда отъ того великую пользу получалъ.

Ст. 221. *О обильности въ своемъ таборѣ печется.* Безъ корму сила воиновъ ослабѣваетъ, и часто хлѣба недостатокъ производитъ недовольство, жалобы и иногда крамолу; кромѣ жъ того воевода долженъ воиновъ почитать дѣтьми своими, не допускать ихъ лишаться потребнаго не къ прохладному, но къ нужному пропитанію;

часто же недостатокъ припасовъ причиною бываетъ сдачи городовъ и войскъ цѣлыхъ.

Ст. 222 и 223. *Любовь ему предпочтется войска чѣмъ.* Весьма нужно воеводѣ держать войско и подчиненныхъ себѣ полководцевъ въ нѣкоемъ приличномъ къ себѣ почтеніи и въ страхѣ, чтобы лишное безстрашіе не привело ихъ въ своевольство; но не меньше долженъ заслужить себѣ ихъ и любовь. Кто страшенъ только, а не любимъ, тотъ подлинно ужъ ненавидимъ, и воиновъ сердца подъ такимъ воеводою не только унываютъ, но иногда въ дѣйствѣ нарочно они славу свою презираютъ, чтобъ могли воеводскую ущербить.

Ст. 224. *Отцемъ невинный народъ.* Война производится противъ вооруженнаго непріятеля, потому всякое озлобленіе безоружнаго невиннаго народа, каковы суть въ селахъ крестьяне, мѣщане въ городахъ, не согласуется правамъ военнымъ и человѣколюбію противно. Многіе воеводы такой народъ утѣсняютъ, грабятъ, мучатъ, чтобъ ихъ бѣдными пожитками обогатиться. Тѣ воеводы о благѣ отечества своего не пекутся; ибо извѣстно, что охраненіе народовъ ихъ сердца всего легче къ побѣдителю склоняетъ. Скорѣе завоюетъ землею тотъ, кто съ жительми ласково поступаетъ, чѣмъ тотъ, кто рубитъ и жжетъ безъ разбору и безъ милости: суровость не обыкла производить вѣрныхъ подданныхъ.

Ст. 235. *Какъ тебѣ ввѣрить корабль.* Слѣдуетъ уже разсужденіе о должностяхъ мореплавцовъ и морскихъ воеводъ.

Ст. 237. *Гладкихъ испугался ты водъ.* Гладкихъ водъ, то есть тихой воды, каково въ прудѣ въ безвѣтренное время.

Ст. 239. *Мѣдное сердце.* Жестокое, отважное, несломимое сердце противъ всякаго страху. Хотя и сухопутная военная служба трудовъ и бѣдства исполнена, однакожъ много больше морская, понеже на сухомъ пути воюемъ съ однимъ непріятелемъ, на морѣ съ непріятелемъ, съ вѣтрами, съ водою. Смерть со всѣхъ сторонъ обстоитъ и толстота доски корабельной одна отъ нее мореплавцовъ отдѣляетъ.

Ст. 240. *Одна отдѣляетъ отъ нее доска.* Подражаніе слѣдующихъ Ювеналовыхъ стиховъ сатиры его XII:

I nunc, et ventis animam committe, dolato
Confisus ligno, digitis a morte remotus
Quatuor, aut septem, si sit latissima taeda [1]).

---

[1]) Ступай теперь и ввѣрь свою душу вѣтрамъ, положившись на оструганную доску, удаленный отъ смерти только на четыре пальца, или на семь, если доска слишкомъ толста.

Ст. 242. *Твоя душа требуетъ грань съ нею.* Мореплавцы на четыре пальца только отъ смерти отстоятъ; твоя трусливая душа требуетъ гораздо бо́льшее отъ смерти разстояніе.

Ст. 247. *Съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства.* Труды морской службы столь велики, что въ самомъ дѣлѣ должно съ самаго младенчества къ нимъ обыкать, чтобъ могли казаться сносны. Между прочимъ извѣстно, что движеніемъ корабельнымъ сердце мутится у тѣхъ, кои измолода къ тому движенію не пріобыкли.

Ст. 252. *Лучами своими* и проч. по стихъ 255. Для учрежденія корабельнаго пути въ морѣ умъ человѣческій между прочимъ два способа изобрѣлъ: наблюденіе свѣтилъ небесныхъ и компасъ. Тѣмъ познаваетъ мѣсто, гдѣ корабль находится; симъ—въ которой сторонѣ лежитъ востокъ, западъ, югъ и сѣверъ. *Компасъ* есть ящичекъ, въ которомъ въ срединѣ втвержена спичка мѣдная, а на ней поставлена иголка желѣзная, на камень магнитъ потертая, такимъ образомъ, что на спичкѣ та игла свободно лежать и оборачиваться можетъ. Магнитъ такую силу въ себѣ имѣетъ, что той иглы одинъ конецъ направляетъ всегда къ сѣверу, другой къ полдню.

Ст. 260. *Часъ ужасный.* Время ужасное мореплаванія въ буряхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Ст. 261. *Надъ нимъ занятъ вѣтръ способный.* Немалой важности въ корабельномъ бою забраться подъ вѣтръ такимъ образомъ, чтобъ съ нашего корабля дулъ на непріятельскій.

Ст. 265. *Трубка и компасъ.* Трубка зрительная, которою наблюдаются звѣзды и прочія свѣтила небесныя. Много еще и другихъ астрономическихъ орудій употребляется на морѣ, которыя въ одной трубкѣ стихотворецъ включаетъ. О компасѣ смотри выше примѣчаніе подъ стихомъ 252.

Ст. 266. *За краснымъ судить сукномъ.* Стихотворецъ начинаетъ изслѣдовать должности судей и правителей гражданскихъ.

Ст. 268. *И рѣчиста деньга.* Деньги всякаго довода сильнѣе при лакомыхъ судьяхъ, для того *рѣчистою* названы; сильны онѣ къ всему склонить, къ всему уговорить своего любителя.

Ст. 283. *Указы Петровы.* Указы должно разумѣть и уставы Императора Петра Великаго, отъ которыхъ народъ получилъ столькую пользу. Извѣстно, что Его Величество почти собственными трудами издалъ Военный, Морской и Сухопутный Уставъ; Гражданскій старый, подъ титломъ Уложенія, пополнилъ многими мудрыми указами; составилъ Регламентъ церковный, по которому Синодъ церковныя дѣла правитъ.

Ст. 290. *Что махнулъ рукою вмѣсто правой лѣвою.* За малѣйшую вину, каково есть махнуть одною рукою вмѣсто другой, буде

то виною назвать можно, бьешь до крови слугу. Весьма обличенія достойна такая суровость господъ къ служителямъ. Должно бы и къ виновнымъ поступать съ милостью, и сколько можно отдаляться побоевъ; а когда и нужда настанетъ къ наказанію, наказывать беззлобно и въ одномъ намѣреніи, чтобъ наказуемаго исправить, и его примѣромъ другихъ отъ злочинства удержать, а не для насыщенія склонности своей къ озлобленію человѣка, который обороны противъ насъ не имѣетъ.

Ст. 299. *Арапскаго языка*. Судья долженъ не только быть украшенъ различными добродѣтельми, и наипаче соболѣзнованіемъ, но знать исправно естественныя правы, нашъ гражданскій уставъ и всѣ указы и уставы Петра Великаго. Ты надъ бѣднымъ и больше надъ слугою своимъ оказываешь свое безчеловѣчіе, деньги свои истощая безпутно, подлинно къ деньгамъ ты лакомъ; а въ знаніяхъ приличныхъ судейскому чину столько невѣжа, что и самыя рѣчи *право, законъ* кажутся тебѣ рѣчьми арапскаго языка, дикими русскому уху.

Ст. 301. *Если въ тѣ чины не гожъ*. Филаретъ столь сильно доказалъ Евгенію его недостатки и пороки, для которыхъ ни какимъ образомъ требовать бы не долженъ, чтобъ произведенъ былъ въ морскіе или сухопутные воеводы, или въ судьи и губернаторы, что Евгенію отвѣтствовать ничего не оставилъ. Предвидитъ однакожъ, что можетъ представить, что придворная служба такихъ искусствъ и знаній не требуетъ, и что потому обижаютъ его Евгенія, когда ему подобныхъ, каковъ наприкладъ *Клитъ* (вымышленное лицо), производятъ въ камергеры, а онъ еще забытъ остается. Для того Филаретъ принимается изъяснить, что и придворному человѣку нужно не меньше свойствъ добрыхъ и искусства. Въ самомъ дѣлѣ, плохо тѣ судятъ, кои чаютъ, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто въ Дворѣ жить уставилъ; бѣдства и тамъ предлежатъ, которыхъ миновать не мало благоразсудства требуется; не безъ труда достать себѣ тамъ вышнихъ милость, равныхъ любовь, подчиненныхъ почтеніе.

Ст. 302. *Ключъ золотой*. Камергеры носятъ такой ключъ въ знакъ своего чина. Однимъ камергерскимъ чиномъ сатирикъ разумѣетъ всякое придворное достоинство.

Ст. 304. *Изъ нашего круга*. Намъ подобнаго.

Ст. 305. *Клита въ постели* и проч. Ты дивишься, что Клитъ добился въ такой чинъ, какой ты достать не можешь; но посмотри, какая разница межъ нимъ и тобою. Ты лѣнивъ, тянешься весь день въ постели или въ забавахъ и похотей насыщенія время про-

вожаешь; онъ прежде зари ходитъ къ сильнымъ людямъ на поклонъ, кланяется всякому и самимъ слугамъ и проч.; къ томужъ молчаливъ, таитъ свои намѣренія, всякому льститъ и проч., и сверхъ всего Клитъ счастливъ, а не должно счастливыхъ себѣ брать въ образецъ.

Ст. 306. *Въ крестовой.* У знатныхъ, у сильныхъ людей въ крестовой.

Ст. 309. *Слова точно мѣритъ.* Умѣряетъ свои слова по времени и по лицу, съ кѣмъ говоритъ.

Ст. 310. *Никому почти онъ не вѣритъ.* Всегда остороженъ противъ навѣтовъ; не всякому довѣряетъ; легковѣрный скоро въ обманъ пасть можетъ.

Ст. 311. *Новыхъ людей.* Людей, которые изъ незнати въ силу и великія степени пришли.

Ст. 314. *Идучи прямо въ цѣль.* Клитъ не спитъ, томится въ переднияхъ, кланяется, ласкаетъ, трудовъ своихъ не жалѣетъ для исполненія своего желанія; упрямо о томъ одномъ домогается, что получить желаетъ, ничего его отвратить отъ своего намѣренія не сильно. Такой терпѣливости люди рѣдко бываютъ неудачливы.

Ст. 315. *Иныхъ свойствъ не требуетъ.* Счастливому безъ всякаго труда все удается: глупъ ли, лѣнивъ ли, лишенъ ли всякаго знанія и достоинства, счастье всѣ тѣ недостатки награждаетъ.

Ст. 316. *А у Клита безъ того.* Ежели кто особливаго счастья ласку не заслужилъ, тотъ долженъ имѣть искусства и знанія нѣкія, желая жить въ Дворѣ царскомъ. У Клита нѣчто занять онъ долженъ, сирѣчь не всѣмъ его поступкамъ подражать, но нѣкоимъ приличнѣйшимъ, которые ниже сего изъяснены будутъ.

Ст. 318. *Чтобъ крылья къ солнцу подшедъ.* Дедалъ, аѳинеецъ, изобрѣтатель многихъ дивныхъ механическихъ орудій, заключенъ бывъ съ сыномъ своимъ, Икаромъ, въ лабиринтѣ острова Критскаго, придѣлалъ себѣ и сыну крылья изъ перьевъ и воску, и тѣми оттуда вылетѣлъ; но Икаръ излишно высоко поднялся, жаръ солнечный растопилъ воскъ его крылъ и палъ онъ въ море Егейское, которое потому назвалося *Икарскимъ.* Къ сей баснѣ относятся слова сатириковы, пріуподобляя государя солнцу. Придворные ему близки весьма и потому стеречись должны, чтобъ излишно какъ Икаръ подымаяся, не растопились ихъ крылья, и не встрѣтили свою гибель.

Ст. 319. *Короткій языкъ.* Должно у Клита занять короткій языкъ, сирѣчь умѣренность въ словахъ, и лицо, которое бы свободно могло и печальнымъ и радостнымъ казаться, примѣняяся по

лицу тѣхъ, съ коими находимся. Такое беззлобное притворство нравоучители добродѣтелью почитаютъ, подъ именемъ *Simulatio* и *Dissimulatio*.

Ст. 322. *Честнѣе будетъ онъ другъ.* Клитъ всѣмъ другъ является, всякому льститъ; не худо и въ томъ ему подражать; но гораздо лучше являться и самымъ дѣломъ быть другомъ всякому.

Ст. 326. *Но и кто правду молчитъ. Правда глаза колетъ,* по пословицѣ; потому часто прилично правду молчать, но однакожъ не такимъ образомъ, чтобъ ее укрывать ложью, спрѣчь можно не объявлять правду, но отлыгаться не должно.

Ст. 331. *Ползать не совѣтую.* Не совѣтую подражать Клиту въ снисканіи себѣ милости вышшихъ, или дружбы равныхъ всякими подлыми поступками, но весьма не хвалю быть спѣсивымъ; должно и въ томъ держаться середки, спрѣчь быть смирнымъ, учтивымъ, услужнымъ.

Ст. 332. *Искать опасаюсь.* Всѣхъ показанныхъ нужныхъ придворному свойствъ въ тебѣ искать опасаюсь, для того, что знаю, что ихъ въ тебѣ не найду, и слѣдовательно тебя въ большую образу приведу.

Ст. 337. *Пороки, кои теперь.* Пороки, недостатки, невѣжество и злонравіе твое, которые теперь таятся въ твоей незнатности, всему свѣту откроются, когда ты произойдешь въ высокій чинъ, понеже весь народъ на людей высокихъ степеней зоркіе глаза наводитъ.

Ст. 339. *Не поблѣднѣвъ всходитъ.* Спрѣчь, *безъ страху всходитъ,* понеже блѣдность обыкновенно знакъ боязни.

Ст. 356. *Полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.* Добрый человѣкъ въ партикулярномъ состояніи не многимъ полезенъ быть можетъ, если же произведенъ бываетъ въ знатное достоинство, рѣдко кто доброту его не искуситъ.

Ст. 357. *Въ Дамонѣ, въ Луціѣ и въ Тулліѣ.* Смотри примѣчаніе въ сей сатирѣ подъ стихомъ 16-мъ.

Ст. 360. *Слава наша съ трудовъ ихъ.* То есть, слава наша отъ ихъ трудовъ нѣсколько возрасла; нѣчто они своими трудами помогли къ возвращенію славы нашего отечества.

Ст. 361. *Въ царство Ольгино.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 32-мъ и 38-мъ. (Синопсисъ истор. русской, листъ 44).

Ст. 366. *Когда Русь греки крестить стали.* Россійскій народъ въ христіанскую вѣру началъ приходить въ царство Ольгино, лѣта Христова 855.

Ст. 371 и 372. *Одно съ двухъ чадо его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.* Каинъ, Адамовъ сынъ, былъ земледѣтель, а Авель

пастухъ, такъ объ нихъ говоритъ Моисей: и бысть Авель пастырь овецъ, Каинъ же бѣ дѣлая землю. *Бытія* глава.... *Блеющее стадо*. Стадо овецъ, ибо овцы блеютъ.

Ст. 376. *Оставя дудку, соху.* Оставя пастушество и земледѣльство; дудку обыкновенно пастухи употребляютъ, а соха есть земледѣльное орудіе.

САТИРА IX.

КЪ СОЛНЦУ.

(На состояніе свѣта сего).

Солнце! хотя существо́ твое столь есть чудно,
Что ему въ вѣкъ довольно удивиться трудно,—
Въ чемъ намъ и свидѣтельство древни показали,
Когда тебя за́ бога чрезъ то почитали—
Однако, могъ бы я то̀ признать несомнѣнно,
Что было бъ ты въ дівности твоей перемѣнно,
Если бъ ты въ себѣ живо̀сть и чувства имѣло,
Чѣмъ бы могло всякое въ свѣтѣ познать дѣло.
Буде бъ честь отъ насъ Богу ты узнать желало,
Въ первыхъ бы суевѣрій бездну тутъ сыскало.
Мужикъ, который соху́ оставилъ недавно,
Аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
А прислушайся, что вре́тъ и что его вздоры!
Вѣдь не то, какъ на́ Волгѣ разбиваютъ воры.
Да что жъ? Онъ ты воротитъ богословски рѣчи:
Какія предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло̀ старинѣ противно;
Какъ брадобритые терпитъ Богъ, то ему дивно.
На что, баетъ, библію отдаютъ въ печати,
Котору христіанамъ больно грѣшно знати?
Вонъ иной, зачитавшись, да ереси сѣетъ,
Говоритъ: „не грѣшёнъ то́тъ, кто бороду брѣетъ“.
Парики ужъ всякъ знаетъ, что дьявольско дѣло,
А онъ, что то не грѣшно́, одно споритъ смѣло̀;
Платье нѣмецконоситъ, да притомъ манжеты;

Кто ихъ назоветъ добро̀мъ? все—адски примѣты;
А таки сказуютъ, что то непротивно Богу.
Охъ! какъ страшно и слышать таку хулу многу!
Все жъ то се нѣтъ ничего[1]); вонъ услышимъ новый
Отъ него твердъ докуме́нтъ, давно ужъ готовый
„Какъ (говоритъ) библію не грѣшно читати,
Что она вся де́ржится на жидовской стати?
Вонъ де за то одного̀ и сожгли недавно,
Что зачитавшись тамъ, сталъ Христа хулить явно.
Ой нѣтъ, надо библіи убѣгать, какъ можно,
Бо зачитавшись въ ней, пропадешь безбожно[2]).
Есть и безъ нея что че́сть, лишь была бъ охота,
Вотъ полно мнѣ мѣшаетъ домашня забота,
А то бъ я купилъ книгу, котору не знаю
Какой пустынникъ писа́лъ, да Семикъ быть чаю.
Такъ то-то уже книга, что ажь уши вянутъ,
Какъ было грамотники у насъ читать станутъ!
Тамъ писано, какъ земля че́тырьмя китами
Стоитъ, которы её подперли спинами;
Сколько солнце всякой дѐнь милліоновъ ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты въ отдышку заходитъ;
Какъ въ нынѣшнее время не будутъ являться
Святцы и богатыри; что люди мерзятся
Брадобритіемъ и всѣмъ басурманскимъ нравомъ,
Не ходя въ старомъ отцо́въ преданіи правомъ.
Все тамъ есть о старинѣ съ мала до велика.
Сказать мнѣ все подробну не станетъ языка.
Все жъ то се еще сошни́къ[2]) плесть безмозгло смѣетъ;
Все вретъ, хоть сло̀ва складно́ молвить не умѣетъ.
Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?[3])
Тѣ только суевѣ́ріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ голо́въ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы;
Что же піянство, то у ни́хъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ.
Тая-то вещь имъ мнится всѣхъ святѣйша въ свѣтѣ.

Нутко скажи такому́, что всякъ день воскресный
Не въ пьянствѣ должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше бъ въ уче́ніяхъ церковныхъ медлѣти,
Нежъ на кабакахъ пьянымъ безчинно шумѣти:
То ужъ онъ ти понесе́тъ представлять резоны,
Что съ ума тя собьетъ, хо̀ть ты какъ будь ученый.
Выйметъ тебѣ съ сундука́ тетради цвѣлыя[4]),
Предложитъ исто̀ріи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего́ отца Аввакума[5]):
Такъ его запа̀льчивость тутъ возьметъ угрюма,
И тотчасъ тѣ предложи̇въ, начнетъ уличати:
„Грѣшно де весь день будетъ Богу докучати.
Смотри, что исто̀ріи въ себѣ заключаютъ:
Вѣдь и въ небѣ обѣдни въ часы отпѣваютъ,
А не весь день по вашему въ молитвѣ трудятся;
Отпѣвъ часъ урочной, та́мъ съ Богомъ веселятся".
Сей то мужъ въ философіи живетъ ненарушно:
Признаютъ то пьяницы всѣ единодушно;
Сей и Аристо̀телю[1]) не больно уступитъ,
Паче когда и му́дрости вина кружку купитъ.
Да чтожъ симъ дивиться? Во́нъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то уже ра́звѣ дивяся устанемъ.
Хочетъ ли кто божьихъ сло̀въ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ то́мъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не ра́зъ по́томъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ ни̇хъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошѐлъ къ попу на кружало[2]).
То ужъ тамъ одниxъ уше́й будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ круго̀мъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не уче́ніемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ,
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ совершать браки,
Сколько разъ коло стола́ обводити знаетъ

И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказа́въ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
„Не знаю (говоритъ), ка́къ тѣ люди спасутся,
„Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
„Вѣдь вотъ не съ добра-де моя въ заплатахъ ряса;
„Вонъ дома назавтра нѣтъ купить на что мяса,
„Все де чортъ склонилъ людѐй и съ нѣмцами знаться.
„О проклятія, зачѣмъ насъ дарить скупятся?
„Какъ такіе исцѣлятъ души своей раны,
„Что не трепещутъ смѣло знаться съ бусурманы?
„Каки бъ они ни̑ были, да только не русски;
„Надобно бъ ихъ отбѣга́ть: ужъ въ нихъ путь не узкій,
„Но широкія врата́ къ пагубѣ доводятъ,
„Они жъ, не смотря на то, смѣло туда входятъ!
„А намъ де уже затѣмъ пересѣклась дача
„И съ просфирами, увы̀! бѣдствъ достойныхъ плача!“
И если тѣ рѣчи поверстать бы въ дѣло,
То бъ казанье, напился съ залишкомъ всецѣло.
Какъ же, на такихъ смотря, ужъ простолюдины
Къ заблужденію себѣ не возьмутъ причины?
Все жъ то это мелкоту́ я здѣ предлагаю,
Которую по силѣ могу знать и знаю;
Вышшихъ же разсужденій чрезмѣрну примѣту
О безднѣ суевѣрій списать силы столько нѣту.
Такіе то виды су́ть нашей къ Богу чести,
Не поминая чуде́съ притворныхъ и лести.
Не думай же, что все ту́тъ: нѣтъ тысячной части;
Списать то все, какъ надо—въ обморокѣ пасти.
Довольно и сихъ тебѣ я собралъ къ примѣру.
Еще мало осмотримъ нашу къ властямъ вѣру.
Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бородою,
Въ святомъ и платьѣ ходитъ, только не съ клюкою,
Во всемъ правдивъ, на̀боженъ: пріидетъ до иконы,
Полъ весь заставитъ дрожа̀ть, какъ кладетъ поклоны!

И чаялъ бы ты, что óнъ весь въ правости важенъ;
Погляди жъ завтрѣ, ажъ гдѣ? Ужъ въ тюрьмѣ посаженъ.
Спросишь: „за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?“
Воровствомъ безъ пóшлины провозилъ товары.
Этакой святецъ! Вотъ что̀ дѣлаетъ безгрѣшный!
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ спѣшный!
Да чтожъ надъ симъ дивиться, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученій заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштóмъ тутъ палаты славны;
Сла̀вятъ, что учѐнія будутъ тамо главны;
Тщатся хотя именемъ умнóжить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
„Вотъ завтра учéнія высоки зачнутся,
„Вотъ ужъ и учи̂тели заморски сберутся:
„Пусть какъ можно скорó всякъ о себѣ радѣетъ,
„Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ“.
Иной бѣдной, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому̂ скоро поспѣша̂етъ,
А пришелъ, комплементовъ увидитъ не мало.
Высокихъ же наукъ та̀мъ стѣни не бывало.
А деньги хоть тóчатся тутъ безперерывно,
Такъ комплементовъ много съ нихъ, то и не дивно.
Гдѣ? Если то мнѣ о сéмъ все сполна писати,
То книгу превелику̂ надобно сшивати.
Полно, и такъ можно зна́ть, какъ то сего много,
Добра мало, и полнó по всемъ свѣтѣ злого.
Смотри, и лѣтописцы вѣдь полны не даромъ,
Всѣ почти нагружены этимъ же товаромъ.
Что жъ уже сказать о нашемъ житьѣ межусобномъ?
Какъ мы живемъ другъ къ другу въ всякомъ дѣлѣ злобномъ?
Тутъ и главы темнѣютъ, голова въ кругъ ходитъ,
Рука съ перомъ отъ жалю, какъ курица бродитъ.
Грозятъ намъ права земски, но Богъ правосудный—
Чтобъ богатой не былъ пра́въ, а обиженъ скудный,
Не судило бъ намъ сребрó, но правда святая,

Виннымъ казнь, а правымъ милость подава́я.
Мы жъ то помнимъ и знаемъ, какъ сребра не видимъ.
И клянемся Богу, что́ бѣдныхъ не обидимъ,
Но въ правости не будемъ о душахъ радѣти,
А на лица и сребро́ не станемъ смотрѣти.
Когда жъ несутъ подарки, гдѣ злато блистаетъ,
То вся та мысль за сто ве́рстъ отъ насъ отбѣгаетъ.
Гдѣ Божій и земскій страхъ? Даромъ наши души,
Какъ звонятъ сере́брянымъ колокольцомъ въ уши.
Подъячій ходитъ сухъ, ху́дъ, лишь кожа да кости,
Вѣдь не съ труда ссохъ, съ коварствъ да съ завистной злости,
Что ему не удастся драть такъ, какъ другому;
Нѣтъ чѣмъ жену потѣшить, какъ прійдетъ до дому,
Лучше бъ онъ изволилъ тутъ смерть претерпѣти,
Нежель надъ чіимъ дѣломъ безъ взятки сидѣти.
Вонъ иному хоть деньги онъ съ казны считаетъ,
А не взять ему гривны—душа смертно таетъ.
Такъ то мы милостивы, къ бѣднымъ правосуды,
Выше душъ ставимъ деньги не плоше Іуды.
Что когда аще глубже мы въ свѣтъ сей заглянемъ?
Вездѣ безъ удовольства удивляться станемъ.
Философъ деревенскій обросъ сѣдинами.
Сладкими разсуждаетъ о свѣтѣ рѣчами.
„Какъ, говоритъ онъ, тепе́рь чортъ показалъ моду
Грѣхъ великъ творить, то е́сть табакъ пить народу,
Отъ котораго весь у́мъ человѣчь темнѣетъ
И мозгъ въ головѣ весьма изъ дня на день тлѣетъ;
Ужъ мы де такихъ много образцовъ видали,
Что многіе изъ того́ люди пропадали“.
То онъ же обличаетъ въ людяхъ моду грубу,
А себѣ четверико́мъ самъ валитъ за губу.
Такъ-то людей осужда́ть мы тотчасъ готовы,
Людей видимъ больныхъ, а сами не здоровы;
Такъ вотъ иной хва́стуетъ, что славы не любитъ,
А самъ за самое то́ съ свѣта людей губитъ.

Говоритъ: лицемѣрство ему непріятно,
А самимъ дѣломъ держáть то внушаетъ внятно.
Теперь въ свѣтѣ семъ буде кто пожить желаетъ,
Пускай правды далекó во всемъ отбѣгаетъ:
Инако бо нельзя двýмъ господамъ служити,
Нельзя Богу и свѣту вмѣстѣ угодити.
Такъ-то сей свѣтъ состòитъ, такъ всѣмъ злымъ причастный,
Всѣхъ бѣдствъ, мерзостей полонъ, во всéмъ суестрастный.
Еще жъ то тутъ у насъ нѣтъ милліонной доли,
Ибо тое все списàть нѣтъ силы и воли.
Что жъ, солнце! погрѣши́лъ-ли я, такъ разсуждая,
Что если бъ ощущало ты въ свѣтѣ вся злая,
По человѣческу бы могло премѣниться.
И право, не престану я о семъ дивиться,
Какъ такъ дана ти воля сіять терпѣливно
На насъ бѣдныхъ, столь Богу живущихъ противно.
Больше съ удивлéнія не могу писати
И хоть не въ пору, да ýжъ принужденъ кончати.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Писана сія сатира 1738 году мѣсяца іюля въ послѣднихъ числахъ, которую сатирикъ въ немощи своей въ забаву себѣ сочинилъ, разсуждая бѣдность человѣческую, которой и онъ немало причастія имѣлъ; и понеже о состояніи свѣта оную писалъ, то избралъ рѣчь оную положить къ солнцу, какъ къ всесвѣтному свѣтилу, прилично. Совершивъ онъ сію сатиру, съ покорнѣйшимъ своимъ прошеніемъ вручилъ оную одному изъ чистосердечныхъ и весьма доброжелательныхъ пріятелей своихъ къ исправленію, не довольствуяся, по обычаю безмозглыхъ, но высокомнительныхъ въ себѣ головъ, своимъ скуднымъ разсужденіемъ. Говоритъ онъ къ солнцу, что (мнитъ онъ) еслибы оно было въ чувствахъ, то есть чтобъ могло разумѣть, видѣть, разсуждать, слышать, чувствовать и прочая, то по человѣческой напротивно ихъ себѣ злобы должно бы ему конечно своимъ сіяніемъ, на наши всезлѣйшіи и противнѣйшія дѣла смотря, премѣнится, понеже такъ весь свѣтъ наполненъ гнусными дѣйствами, что Богу мерзскій и противный властямъ, невѣрный и хищный да сверхъ того и самому себѣ вреденъ, на что онъ разныя примѣры представляетъ.

Ст. 11. *Мужикъ, который...* Сей примѣръ о суевѣріяхъ, отъ безмозлыхъ головъ мужичихъ пахарскихъ происходящихъ, весь не выдуманъ по обычаю поэтическому, но многократно слышанъ былъ отъ такихъ суевѣрцовъ.

Ст. 17. *Что теперь въ церквахъ вошло...* Всегда такіи безумніи головы и о великихъ вещахъ разсуждать смѣютъ, а наипаче гдѣ што не по старому дѣлается,—что авторъ давно примѣтилъ живучи между ними.

Ст. 18. *Какъ брадобритіе...* Брадобритіе мерзостнѣе всего ставятъ предъ Богомъ за несносный грѣхъ глупцы.

Ст. 21. *Вонъ иной зачитавшись...* Мужики глупые, которые старины держатся, отнюдь ничего не вѣдая и брадобритіе, парики, платье нѣмецкое и проч. въ погибель людей крайнюю ставя, думаютъ и утверждаются на томъ, что сія мнимыя имъ Ереси всѣ происходятъ отъ тѣхъ, которыи библію читаютъ; а если спросишь его: что—Библія, то онъ, никогда истинно ея не видаючи, скажетъ что сказывано ему, будто какія есть тетрадки, отъ жидовъ написанныя. Не разъ авторъ сердцемъ сокрушался, на толь безумныя, но у нихъ твердыя суевѣрія смотря.

Ст. 29. *Всежъ то се нѣтъ ничего...* Симъ стихомъ авторъ говоритъ, что прежнія суевѣрныя рѣчи не столь еще важны, какъ слѣдующія, ст. 16 и проч.

Ст. 33. *Вонъ де за то...* Въ Санктъпетербургѣ 1738 году мѣсяца Іюля въ среднихъ числахъ сожженъ по уложеніямъ блаженныя памяти Россійскихъ Государей бывшій морского флоту капитанъ за то, что принялъ жидовскую вѣру и такъ крѣпко на оной утвердился, что не смотря правды, упрямствомъ своимъ въ страшномъ на Спасителя Нашего Христа хуленіи погибъ; который случай безмозглимъ невѣжамъ немалую причину подалъ сумнѣваться о библеи, когда они слышатъ, что жиды ветхаго закона держатся. О какъ безумніи и дерскіи невѣжды! Причина ли библія святая діавольскаго того орудія погибели?

Ст. 37. *Есть и безъ нея...* Подлинно, что бездѣльные тетради глупыхъ дячковъ лучше мужики почитаютъ нежъ святое что.

Ст. 40. *Да Семикъ чаю...* Семикъ, послѣ прежняго идолопоклонничества оставшійся Богомерзскій праздникъ, и до сихъ поръ отъ суевѣрныхъ простаковъ съ великою честію празднуется. Собираются тогда обоего пола особы, а наипаче въ глупости застарѣлые и поютъ на имяни Ідоловъ сочиненіе, бѣсовскія пѣсни, напившися до пьяна; между тѣмъ, вырубивъ березку, различныхъ цвѣтовъ лоскутками, лентами и платками убираютъ и потомъ весь день съ

гудками и скверными пѣснями около ея скачутъ и танцуютъ, а по нѣсколькихъ дняхъ опять собрався, съ гудками и превеликимъ шумомъ и пѣсней оную березку относятъ къ рѣкѣ и на воду пускаютъ съ какими приговорами на послѣдокъ. Оные суевѣрцы признаютъ, что этого праздника имя взято съ нѣкотораго святого пустынника, которому имя было Семикъ.

Ст. 43. *Тамъ писано...* Сіи всѣ рѣчи неоднократно произносили суевѣрные головы, философствуя, какъ то земля состоитъ и на чемъ, и совершенно утверждаютъ, что земля есть дѣвица чистая и непорочная и стоитъ она на спинахъ четырехъ китовъ.

Ст. 45. *Сколько солнце...* Помянутые пустые головы суевѣрныхъ (буди достойно ихъ назвать) философовъ доказываютъ, что солнце стое есть дѣвица жъ непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходитъ, то въ своихъ палатахъ черезъ ночь отдыхаетъ, понеже нѣсколько не упомню сказуютъ они милліоновъ миль ходитъ въ день по ученію Семикову.

Ст. 47. *Какъ въ нынѣшнее...* Всѣ старовѣрцы утверждаютъ, что теперь ни старцамъ, ни Богатырямъ явленія не будетъ, понеже люди омерзились брадобритіемъ и платіемъ нѣмецкимъ.

Ст. 69. *Не минетъ и своего...* Аввакумъ, первый расколовъ затѣйщикъ, самая безмозгая, буйная и упрямая голова былъ, отъ котораго великіи хулы на православную вѣру произошли, за что онъ по указамъ казнь достойную припявъ, но въ раскольниковъ въ святыхъ есть.

Ст. 72. *Грѣшно де весь день...* Случилось Автору видѣть объ этомъ у глупцовъ тетрадки, гдѣ написано, что нѣкоторый пастухъ слышалъ до коихъ мѣстъ въ небѣ обѣдня правится.

Ст. 93. *Плететъ безъ разсмотру...* Удивительная вещь какъ (Россія?) этимъ нещастлива, что .... въ ней больше къ пьянству и суевѣрію, нежели къ поученію и поощренію добродѣтельному людямъ угодны суть. Въ семъ стихѣ хотя не кажется суевѣріе, однако многія суть непомянутые здѣсь у всѣхъ почти на примѣтѣ, а и кромѣ того, не надлежало бы пастырству на кабакахъ предъ простымъ народомъ къ соблазну пустое врать и балы точить. Но не вообще отъ всѣхъ тутъ помянуто: суть бо нѣкоторыя Благочестивыя и постоянныя, которыхъ какъ истинныхъ отцовъ своихъ почитать и славить должны.

Ст. 107. *Какибъ они...* Весма бы то здравое ученіе было, еслибъ онъ училъ вѣры басурманской отбѣгать; но то бѣда, что онъ вообще учитъ ихъ не любить, каковыбъ они ни были, а должность пастырская первая—то, что, умножая по закону Божію братолюбіе, должно проповѣдывать, что не должно за то ненавидѣть людей,

что они иностранны, но надлежитъ смотрѣть на ихъ нравъ, разсуждая то, что за всякаго въ свѣтѣ человѣка кровь свою проліялъ Христосъ, и правда буди возможно, надобно бы ихъ приводить къ познанію истины,—еслиже невозможно, нимъ въ злочестіе не собщася, а ихъ Христа ради любить, они за себя отвѣтъ свой Богу воздадутъ, а Христіянинъ въ любви ближняго предъ Богомъ чистъ будетъ.

Ст. 108. *Путь не узкій...* Обычно пьянымъ людямъ священное писаніе всуе употреблять; такъ пьяница, когда принимаетъ отъ целовальника стаканъ съ виномъ говоритъ: чашу спасенія пріиму; когда виходитъ вонъ съ кабака говоритъ: изыдите, винограда дѣлателіе, и проч. безъ числа.

Ст. 120. *О Бозѣ суевѣрій...* Подлинно такъ того много, что все то описать нѣтъ силы, ибо и слышать страшно.

Ст. 122. *Не поминая чудесъ...* Много было и того въ свѣтѣ, что въ прелщеніе народа притворяли чудеса изъ духовнаго чину, чемъ отъ иностранныхъ народовъ и на истинныя не мало навели пороковъ Богопротивніи сіи лестцы.

Ст. 123. *Недумай же...* Авторъ говоритъ къ солнцу, что еще суевѣрій народныхъ и священныхъ не показалъ онъ и тысящной части, представляя тому доказательство, что если всіо тое подробну описывать, то надобно развѣ въ обморокъ впасти ради безчисленнаго ихъ множества.

Ст. 155. *Какъ то сего много...* Т. е. невѣрности къ властемъ нашимъ.

Ст. 157. *Смотри и лѣтописцы...* Правда, что въ лѣтописцехъ болшая половина написано содержится о измѣнѣ и всякихъ невѣрностехъ къ властемъ, т. есть, Государямъ нашимъ, въ прежнія времена бывшихъ.

Ст. 159. *Чтожъ уже сказать...* Авторъ, смотря на наши междоусобныя бездѣльныя дѣйствія, не знаетъ что писать и что опустить, понеже неизмѣримы суть.

Ст. 174. *Какъ звонятъ...* Звонить серебрянымъ колоколцомъ въ уши есть фразесъ русская, то есть, давать денги.

Ст. 206. *Нельзя Богу и свѣту...* Христосъ Спаситель Нашъ сказалъ въ Евангеліи: не можете работати Богу и Мамонѣ; а Авторъ сей сатиры перемѣнилъ, вмѣсто мамоны, свѣту написалъ, которо все едину силу имѣетъ; ибо Мамона, по разумѣнію святыхъ особъ, діяволъ толкуется, а діяволъ со всѣмъ своимъ угодіемъ и орудіемъ противенъ Богу; дѣла жъ свѣтовые, которые отъ свѣта, а не отъ Бога, угодны діяволу, убо діяволъ и свѣтъ по діяволскому угожденію противенъ Богу, и такъ, всѣ злые дѣла свѣта къ діяволу, яко начальнику и корени тѣхъ, вописывать должно.

Матеріалы для изученія Кантемира.

Сатиры Кантемира.

А. Д. Галахова.

I.

Содержаніемъ сатиръ Кантемира служитъ выраженіе негодованія или насмѣшки, вызванныхъ врагами Петровой реформы. Враговъ этихъ было два рода: приверженцы старины, не хотѣвшіе вовсе принять идеи великаго преобразователя, и безсмысленные послѣдователи новизны, плохо и даже превратно понимавшіе характеръ преобразованій. Кантемиръ преимущественно вооружается противъ первыхъ; однако есть у него злыя выходки и противъ вторыхъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны стихи второй сатиры отъ 135 до 187 ст.: они содержатъ въ себѣ яркое описаніе современнаго щеголя, вѣрную копію тѣхъ верхоглядовъ, которые, посѣтивъ чужіе края, усвоили себѣ одинъ внѣшній блескъ европейской жизни, выучились только умѣнью одѣваться по модѣ да искусству пировать.

Но большая часть негодованія и насмѣшекъ обращена Кантемиромъ на упорство старины. Бичемъ своей сатиры преслѣдуетъ онъ въ особенности тѣхъ, которые, по словамъ Ѳеофана, „не любили ученой дружины“. Онъ зналъ, что передовое зло времени гнѣздилось въ невѣжествѣ, и потому первая сатира его, написанная въ 1729 году, на двадцатомъ году возраста, преслѣдуетъ обскурантовъ, т. е. поклонниковъ умственной тьмы. Въ хронологическомъ порядкѣ появленія сатиръ есть разумная послѣдовательность: она объясняется состояніемъ общества, его пороками, болѣе или менѣе важными. Вражда къ просвѣщенію была главнымъ чувствомъ старой жизни, и Кантемиръ прежде всего осмѣиваетъ тѣхъ своихъ сограждакъ, которые проповѣдовали безполезность наукъ. Даже внутреннее достоинство его произведеній совпа-

даетъ съ важностію общественнаго блага, во имя котораго онъ ратовалъ, съ силою общественнаго зла, противъ котораго ратовалъ: сатира его, первая по времени, есть въ то же время первая и по литературному значенію, она беретъ преимущество надъ прочими силою правдивыхъ укоризнъ. За невѣжествомъ шло ближайшее непосредственное его слѣдствіе—превратное понятіе о достоинствѣ человѣка: внѣшнее предпочиталось внутреннему, случайное—существенному. При завязавшейся послѣ Петра борьбѣ стараго съ новымъ, рѣзко обнаружилось различіе понятій объ истинномъ достоинствѣ человѣка: эти понятія выражены второю сатирою „Объ истинномъ благородствѣ“.

Разсмотримъ обѣ сатиры по содержанію и формѣ, сохраняя тотъ же порядокъ и при анализѣ остальныхъ.

Первая направлена противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки, почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: „На хулящихъ ученіе“. Но это названіе, заимствованное изъ содержанія пьесы, замѣнено потомъ другимъ: „Къ уму своему“, взятымъ отъ формы изложенія. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ, видимо, подражалъ девятой сатирѣ Буало: „A son ésprit“, въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные сатирическіе пріемы сообщаютъ автору ловкій способъ изображать людскіе пороки и глупость. Дмитріевъ употреблялъ подобный пріемъ въ „Чужомъ толкѣ“, а князь Вяземскій въ сатирѣ: „Къ перу моему“ — очевидно, подражаніе или переводъ седьмой сатиры Буало (Muse, changeons le style, et quittons la satire).

Сатира начинается обращеніемъ къ „недозрѣлому уму, плоду недолгой науки“. Авторъ проситъ его успокоиться, не понуждать къ перу руки: ибо авторство—самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ многими „нетрудными путями“.

За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ.

Прежде всѣхъ говоритъ ханжа Критонъ, невѣжа и суевѣрный. Онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. У Сильвана, „стариннаго скупого дворянина, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, осуждая все то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ“, другое неудовольствіе на науку: ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ. Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло между разными невѣжественными доводами одно достаточное основаніе въ его время: науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, прилежа къ нимъ, какъ самъ Кантемиръ, прилежалъ къ стихотворству, въ лишніе часы. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ дилеттантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. По различію эпохъ, различаются и гоненія на ученость. Въ „Горе отъ ума“ для пресѣченія зла совѣтуютъ сжечь книги, потому что человѣкъ начитанный, подобно Чацкому, можетъ сойти съ ума въ общественномъ мнѣніи...

Третій хулитель ученія, румяный Лука, „трижды рыгнувъ“, подпѣваетъ:

„Наука содружество людей разрушаетъ“. Конечно, люди созданы для сообщества, и человѣкъ остается безплодной тварью, когда онъ запрется въ чуланъ, забывъ весь свѣтъ для чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее хорошей книги, это хорошій человѣкъ, и есть нѣчто лучшее чтенія хорошей книги — это жизнь съ хорошимъ человѣкомъ. Во времена Кантемира ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что подъ обществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала

пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: „Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностію, которое оно не растворило бы радостью?“ Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ стихахъ отъ 167—207 видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ, и разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ.

Наконецъ, четвертый хулитель просвѣщенія, щеголь Медоръ,—представитель того класса людей, которые, какъ сказано выше, по внѣшности только усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами. Послѣ такихъ сужденій, которыя автору приходится слышать повседневно, онъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы—ободряетъ похвала, а если, вмѣсто того и другого терпишь хулу—что тогда?

Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти?
. . . .
Нежели купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
(Ст. 118—120).

Предметы для сравненія, какъ всякій видитъ, не изъ за моря и представлены не гиперболически, хотя стихотворная вольность и разрѣшаетъ тропы и фигуры. Въ примѣчаніи объяснено, что купцы „наши“ не только въ три, но часто въ пять пудъ хмѣлю варятъ варю. Изображеніе „нашихъ“, т. е. современныхъ Кантемиру типовъ, составляетъ самую важную, драгоцѣнную сторону его сатиръ.

Возраженіе ума, какъ дѣйствующаго лица въ сатирѣ, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчь ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ легіоны. Между ними (сказано въ примѣчаніи) видишь и тѣхъ, кому Ѳемида ввѣрила золотые вѣсы. Они не любятъ истиннаго украшенія жизни — науки; они знаютъ, что безъ науки можно быть судьею (ст. 147 — 157). Въ заключеніе авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе, скучать и знать про себя пользу наукъ, чтобы гласнымъ указаніемъ не нажить себѣ, вмѣсто похвалъ, злого порицанія.

Вторая сатира, писанная вскорѣ послѣ первой, имѣетъ форму разговорную. Разговоръ происходитъ между Филаретомъ (что значитъ на греческомъ языкѣ—любитель добродѣтели) и Евгеніемъ (дворянинъ). Цѣль ея—осмѣять тѣхъ изъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ званіемъ и завидуютъ, сверхъ того, счастію другихъ, которые своими заслугами восходятъ въ знать. Она — подражаніе восьмой сатирѣ Ювенала, которая признается лучшею, или пятой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу. „Истинное благородство“, говоритъ Ювеналъ, „происходитъ отъ добродѣтели: заслуживаютъ ли уваженія тѣ, которые, имѣя знаменитыхъ предковъ, добровольно становятся возницами, скоморохами, гладіаторами?“ Подобно ему

Кантемиръ выражаетъ содержаніе своей сатиры отъ стиха 69 до 83.

Вѣроятно, по этой причинѣ одно изъ разговаривающихъ лицъ получило названіе Филарета. У Горація есть также сатира объ истинномъ благородствѣ (шестая первой книги), но его снисходительная философія не имѣетъ ничего общаго съ желчнымъ негодованіемъ Ювенала, бичующаго злоупотребленія.

Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала съ первыхъ строкъ видишь картину римской жизни тогдашняго времени—расточительность, пиры: „Что значитъ, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсія! Полліонъ, шатающійся цѣлые дни, чтобы занять денегъ за тройные проценты, и не находящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселялъ наши ужины своими остроумными выходками. Теперь совершенно противное: лицо твое уныло, волосы сухи и не причесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: на немъ выказывается радость или печаль, и лицо есть зеркало попеременныхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла въ противную сторону. А прежде, я помню, ты оскверняла храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты осквернялъ и тайное убѣжище матери боговъ". Въ сатирѣ Буало черта иного общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій:

D'ou vient cet air sombre et sevère
Et ce visage plus pâle qu'un rentier
A l'aspect d'un avût qui retrenche un quartier?

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: Le roi a supprimé un quartier des rentes — вотъ

какія слова безпрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей получающихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortalans seuls et de bisques nourrie,
Ou la j'oie en son lustre attirait les regards?
Ou le vin en rubis brillait de toutes parts?

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривающихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серіозно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque edit réformé la cuisine?

То есть преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни—предмета, для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно иная русская современность. Филаретъ спрашиваетъ Евгенія: Что такъ?

Задумчивъ, какъ тотъ, что...
...Конный свой заводъ раздарилъ некстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль своихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вино ль дорого?

Обратившись къ примѣчаніямъ, читаемъ, между прочимъ, что въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить „отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ"; что золотые узоры, коими обыкновенно платье слугъ выкладываютъ, много на пеленанье походитъ; что „вина, дорогія разумѣются, и венгерское, шампанское, и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше другихъ винъ въ почтеніи".

Предложивъ рядъ вопросовъ, Филаретъ дознается причины задумчивости:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина
. . . .
Ты съ пышными презрѣнъ именами...

Такимъ образомъ каждый изъ трехъ сатириковъ въ одной и той же формѣ выразилъ особенныя черты нравовъ. По формѣ и Буало, и Кантемиръ—подражатели, по содержанію—они писатели своенародные. Форма дѣло общее, мѣстныя отличія характеровъ—принадлежность единаго народа. Критика, обольщенная сходствомъ литературныхъ пріемовъ, безразличіемъ внѣшняго, произнесла строгій приговоръ Кантемиру; но теперь, когда, при разборѣ словесныхъ произведеній, всего важнѣе ихъ отношеніе къ обществу, Кантемиръ восходитъ на почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, потому что въ сатирахъ его выражается не идеальное, отвлеченное отъ мѣста и времени, а дѣйствительно русское, ему современное общество. Продолжимъ сравненіе трехъ сатириковъ.

Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышенія людей изъ низшаго званія. Но тамъ и здѣсь какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: „Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цырюльникъ, брившій меня въ юности, споритъ теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Криспинъ (фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствами и почестями), бѣжавшій изъ египетскихъ топій, прежде канопскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые пóтомъ, украшаетъ лѣтними кольцами, считая себя, по своей деликатности, неспособнымъ носить болѣе тяжелыхъ колецъ“ [1]).

У Кантемира на высокую степень вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: „сальныя свѣчи ясно горятъ, кто истеръ плечи горшкомъ подовыхъ“. Указаніе чрезвычайно ясное, не требующее комментарія: кто не узнаетъ въ немъ Меншикова?

---

[1]) Римляне прежде носили по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ пальцѣ, наконецъ на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало по малу роскошь до того возросла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія.

Итакъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлью, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналъ желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: у него и брадобрей, и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ; на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которые могли что нибудь значить при мѣстничествѣ.

Послушайте, какъ Евгеній описываетъ своего отца: это не римскій патриції, волновавшій кровь Ювенала, не французскій маркизъ, которому Буало адресовалъ свою сатиру: „Объ истинномъ благородствѣ". Въ словахъ Евгенія вы видите вѣрную картину временщика Кантемирова вѣка и его угодниковъ (ст. 45—60).

Въ исчисленіи правъ на истинное благородство Кантемиръ полнѣе Буало. Конечно, логическая полнота не входитъ въ расчетъ поэзіи, но она много значитъ въ отношеніи къ мыслямъ автора и понятіямъ современнаго общества.

У Кантемира прибавлена, противъ Буало, одна черта, изъ которой видно, что онъ ближе держался Ювенала.

Мы не хотимъ сказать, что бы стихи Кантемира были копіей латинскихъ: нѣтъ, они указываютъ на дѣйствительные нравы тогдашняго русскаго общества. Имена Гектора, Ахилла, Цезаря и Александра, употребительныя въ то время, брались какъ loca topica. Кантемиръ, при всей своей современности, конечно, платилъ дань подражательному направленію. Но зато схоластическую замашку пользоваться именами, освященными древностью, выкупилъ онъ фамиліей своего пріятеля, генералъ-маіора Нейбуша, великаго охотника до пива, хотя честнаго человѣка и храбраго воина (ст. 103—107).

Такъ въ заимствованіяхъ своихъ Кантемиръ вѣренъ современности. Отношеніемъ къ дѣйствительной жизни тогдашняго

общества онъ не уступаетъ ни латинскому, ни французскому стихотворцу. Когда же подражанія, или переводъ касается поэтическихъ образовъ, тогда Кантемиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналъ двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности. „Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ? Уничтожьте столбы, зданіе рушится. Виноградная же лоза упадетъ безъ вяза, который она обнимала!“ У Кантемира тоже два сравненія, чтобы показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ, но въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ ни краткости нужной для силы, ни поэтическаго колорита.

Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ правахъ успѣваетъ,
Но блѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столпы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, если сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу. (Ст. 115—121).

Здѣсь нѣтъ даже вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслью. Кого изображаютъ столбы! Достойныхъ предковъ или недостойныхъ потомковъ? Предыдущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему же они сокрушатся, и какое это излишнее бремя?

Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ грубомъ видѣ:

Свѣтлой воды ихъ труды ключъ себѣ открыли
И черпать велѣно тебѣ: но нужно, чтобы были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
(Ст. 121—125).

Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ, но, съ другой стороны, оно

полезнѣе, какъ болѣе приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта; ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть моралистомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ, соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать.

Исчисливъ дѣянія предковъ, которыми справедливо гордится отечество, но которыя не даютъ права на гордость глупому потомку, Филаретъ рисуетъ картины тогдашняго щеголя, побывавшаго въ чужихъ краяхъ безъ пользы для себя и для согражданъ. Мы приводили все это мѣсто для показанія другой стороны сатирическаго направленія Кантемира. Въ немъ, какъ было замѣчено, онъ осмѣялъ новыхъ невѣждъ, т.-е. толпу людей, принявшихъ преобразованіе Петра внѣшнимъ образомъ, но не претворившихъ его въ жизнь духа. Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ у Ювенала тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. „Къ чему тебѣ“, спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титловъ, „образы сельскихъ героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ, въ тотъ часъ, когда наши полководцы развивали знамя и шли на врага“. Кантемиръ говоритъ тоже:

Пѣтухъ пѣлъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно сопешь (Ст. 135—139).

Слова: „Не столько стоитъ народъ римляновъ пристойно основать“ взяты изъ „Энеиды“. И однакожъ, на ряду съ подражаніями классикамъ—подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ общихъ мысляхъ, о прикрасахъ риторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества — а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи, кафтанъ, стоившій цѣлой

деревни — все это не Вергиліево и не Ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія. „Видали мы такихъ, говоритъ примѣчаніе къ стиху 156, которые деревни свои продавали, чтобы себѣ сшить нарядный кафтанъ“.

Этотъ щеголь, что вывезъ изъ-за границы одну страсть къ модамъ, обжорству и пьянству, остался такимъ же неучемъ, какимъ былъ до путешествія: ему немалый трудъ прочесть тѣ надписи, которыя онъ видитъ на картинахъ, украшающихъ его большую залу; понять, что множество знаній можетъ помѣщаться въ мозгу смертныхъ, ему такъ-же трудно, какъ не красть дворецкому, или скудно жить судьѣ. Ты хочешь быть полководцемъ, мореплавателемъ, судьею, придворнымъ? говоритъ Филаретъ Евгенію: узнай же, каковы они должны быть. И Филаретъ исчисляетъ обязанности каждаго изъ четырехъ званій. Эти обязанности относятся къ предметамъ двухъ родовъ—знаніямъ и нравственному достоинству. Уважая то и другое, Кантемиръ не раздѣляетъ ихъ. Чинъ воеводы, говоритъ Филаретъ Евгенію, требуетъ много высшихъ свойствъ (т. е. нравственныхъ) и много разныхъ искусствъ. А ты едва слышалъ имя тѣхъ добродѣтелей и знаній. Достойный судья не обращаетъ вниманія на лица; предъ нимъ мудрецъ и невѣжда, богачъ и нищій съ сумой, безобразная бабья рожа и цвѣтъ краснаго лица равны въ судѣ: одна правда выше всего. А ты что (ст. 288—298).

Но странное дѣло! Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой то нравственный эклектизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходитъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе наклонный къ Горацію, въ нравственности держится средины между откро-

венностью правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени. Блаженная средина, ведущая къ счастью!

Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду говорить всегда принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто той средины держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, кто даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси и гнушаюсь.
(Ст. 324—333).

Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами, приличнѣйшіе поступки его съ нравственностью, и въ безлобномъ притворствѣ, т. е. въ умѣніи примѣнять лицо къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по латыни simulatio и dissimulatio? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейти отъ него къ блаженной срединѣ — иначе, къ счастію — не слѣдовало ни по законамъ логики, ни по внушеніямъ поэзіи.

Клита въ постели не можетъ застать день новый,
Не отступенъ сохнетъ онъ, зѣвая на крестовой,
Спины своей не жалѣлъ кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Льститъ всякому, никому почти не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится:
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ
Идучи упрямо въ цѣль. Клиту счастье служитъ,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно.
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно.
. . . .
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.

Но мы объяснимъ снисходительность Кантемировой морали изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ, о чемъ будемъ говорить ниже. Въ заключеніе Филаретъ совѣтуетъ Евгенію излѣчиться отъ барской спѣси, оставить безсмысленную гордость чужими заслугами и не завидовать тѣмъ, которые хотя и не были думными и намѣстниками въ царствованіе Ольги, но своимъ собственнымъ достоинствомъ заслуживаютъ истинное уваженіе:

Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ (Ст. 360).

Въ этихъ стихахъ включенъ отвѣтъ Ификрата тщеславному потомку Армидія, который упрекалъ его низкимъ происхожденіемъ: „Мой знатный родъ начинается мною, а твой тобою оканчивается".

Достоинство Кантемира, какъ писателя, выразившаго современность, открывается еще яснѣе, когда мы сравнимъ его произведенія съ сатирами ближайшаго къ намъ времени. Въ нихъ мы нерѣдко встрѣтимъ или неловкое переложеніе чужаго образца на отечественные нравы, или недозволенныя критикою перемѣны въ оригиналѣ. Возьмемъ для примѣра сатиру Воейкова: „Объ истинномъ благородствѣ" и переводъ Ювеналовой сатиры: О благородствѣ же, принадлежащій И. И. Дмитріеву. Нѣтъ спора, что тотъ и другой обладали замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ: у Воейкова есть сила, искренность, умѣнье рѣзко и колко выставить позоръ или глупость; а Дмитріевъ отличается тонкимъ аттическимъ остроуміемъ, язвительнымъ при всей своей наружной полировкѣ. Однакожъ, посмотрите, какъ Воейковъ передѣлалъ сатиру Буало. Вмѣсто Евгенія онъ подставилъ дурака, воспитаннаго французами, который, дѣйствительно, былъ извѣстное время въ нравахъ русскихъ; но въ противоположность ему созданъ Эмилій—имя, не находящееся въ нашихъ святцахъ. Въ образцы для подражанія авторъ ставитъ Миниха, Суворова, Орлова, Державина — и рядомъ съ ними Сюлли, Кольбера:

забавная смѣсь русскаго съ французскимъ, Буало такъ и выглядываетъ изъ-за русскаго сатирика. О переводѣ Ювеналовой сатиры и говорить почти нечего: это жалкое искаженіе подлинника. Переводчикъ распространилъ безъ нужды стихи римскаго писателя, сжатые и сильные, а въ другихъ мѣстахъ сокращалъ характеристическія указанія. Нельзя безъ досады и улыбки читать собственныя прибавленія, въ которыхъ выражается забота поставить классическое въ соотвѣтствіе съ новою жизнью. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ.

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами (!),
Прославившихъ себя великими дѣлами?

У Ювенала нѣтъ ни обиды сердцемъ и умомъ, ни страннаго различія между „предками и прадѣдами"—различія, въ которомъ нуждался переводчикъ для наполненія стиха.

Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ (!!) иль хлыстикомъ (!!) на ветхіе портреты,
Которы у тебя копятся многи лѣты,
Надувшись говоришь: „Смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ римскихъ войскъ—великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой—разумный былъ диктаторъ!
А это дѣдушка: вотъ прямо былъ сенаторъ.

Непужная фигура распространенія, реторическая прикраса, поставленная въ ущербъ оригинальности выраженія. У Ювенала просто сказано: „Развѣ благородство состоитъ въ томъ, чтобы имѣть возможность указывать палочкой на закоптѣлыя изображенія диктатора или начальниковъ войскъ?"

Гдѣ же тутъ разглагольствіе гордаго потомка? Къ чему слово римскихъ, когда авторъ говоритъ о предкахъ римлянина? Другихъ войскъ и быть не могло. И что за странный способъ указывать портретъ шестомъ. Вмѣсто прибавочныхъ словъ, надлежало бы сохранить значительныя слова: Si coram, Lepides male vivitur.

Выставляя тщеславіе и ничтожность Фабія, переводъ утверждаетъ, что ему не слѣдуетъ гордиться,

Когда онъ дряблостію прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?

Здѣсь что слово, то новое собственное сочиненіе, въ которомъ не узнаешь подлинника. Нѣтъ въ подлинникѣ ни „обыкновеннаго шлема“, ни „тѣней“, ни „дрожанія тѣней“.

Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы—оно падетъ,
А скромный плющъ растетъ безъ страха и не гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вкругъ коего онъ вьется.

Сантиментальное направленіе заставило переводчика замѣнить виноградную лозу „скромнымъ плющемъ“, а незнаніе подлинника превратить смыслъ его. У Ювенала наоборотъ: „виноградная лоза упадетъ на землю безъ вяза“, — вѣрный природѣ образъ, тогда какъ плющъ, самъ по себѣ растущій, есть произведеніе фантазіи.

Подобный разборъ двухъ первыхъ сатиръ Кантемира показываетъ намъ ясно ихъ строеніе. Оно не измѣняется и въ остальныхъ шести: содержаніе ихъ оригинальное, форма заимствованная. Собственный матеріалъ ихъ располагается по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ, и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя мѣстныя и временныя отличія изображаемаго; подражательность же въ способѣ представлять избранный предметъ въ тѣхъ пріемахъ, которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ, большею частью видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ русское, ему современное. Нельзя сказать, чтобы, пользуясь чужимъ добромъ, онъ всегда ловко примѣнялъ его къ добру благо-

пріобрѣтенному; иногда переложеніе иноземнаго на отечественное неудачно, иногда первое красуется послѣ второго безъ малѣйшаго измѣненія. Но скоро ли, и послѣ Кантемира, исчезла эта странная смѣсь древне-классическаго съ національнымъ? Стихотворцы, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени, пестрили свои созданія ненужною вставкою латинскихъ и греческихъ предметовъ. Тѣмъ понятнѣе, тѣмъ извинительнѣе привычка Кантемира „все время провождать между греки и латины.

Два элемента Кантемировыхъ сатиръ: самобытный (по содержанію) и подражательный (по формѣ) чистосердечно указаны авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что „въ сочиненіяхъ своихъ онъ наипаче Горацію и Буало французу послѣдовалъ“, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоилъ, и въ четвертой сатирѣ, гдѣ къ Буало и Горацію присоединены еще Ювеналъ и Персій. Я топчу ихъ слѣды, откровенно объявляетъ нашъ сатирикъ, не считая для себя обиднымъ усыновленіе классическою древностію. Наслѣдство ума и поэзіи ставитъ онъ выше генеалогій, всегда готовый воскликнуть, подобно Ювеналу: stemmata quid faciunt?..

Отъ содержанія, въ которомъ выразилось отношеніе сатирика къ современному обществу, и формы, въ которой выразилось его отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ того же рода у другихъ народовъ, перейдемъ къ оцѣнкѣ поэтическаго достоинства Кантемира. Такъ какъ намъ извѣстны образцы, выбранные имъ для подражанія, то сужденіе о немъ, какъ о поэтѣ, всего ближе вывесть изъ сравненія его съ этими образцами. Здѣсь представляются для опредѣленія два предмета: во-первыхъ, тонъ, проникающій Кантемировы сатиры, во-вторыхъ, эстетическое ихъ значеніе.

Буало нѣсколькими стихами седьмой сатиры рѣзко обозначилъ различіе между Горацiемъ и Ювеналомъ. Что дѣлалъ первый? — въ острыхъ словахъ испарялъ свою рѣчь (exhalait en bons mots les vapeurs de sa bile), тогда какъ второй лилъ

потоки желчи и горечи съ язвительнаго пера своего и гнѣвно каралъ римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, безобидный тонъ одного, невзыскательность требованій и снисходительная нравственная философія совершенно противоположна строгимъ приговорамъ, желчному негодованію второго: это несходящіяся крайности. Несовершенства людей не заставляютъ Горація выходить изъ себя: онъ только смѣется надъ ними. Горацій (такъ отзывается о немъ Персій), рисуя нравственное образованіе друзей, заставляетъ ихъ улыбаться; онъ издѣвается надъ людьми, не тревожа ихъ сердца, и остроумно смѣется въ глаза римскому народу. Это—сатирико-филантропъ. Изображая пошлости человѣческой жизни, оплакивая слабость ближнихъ, обвиняя себя самого за несостоятельность нравственную, онъ всегда представляетъ читателю нѣчто утѣшительное. Философія Горація всегда граціозна: ея заключительное слово — слово одобренія, сердечной веселости. Она не любитъ стоиковъ, этихъ квакеровъ древности: она знаетъ, что передъ суровымъ судомъ безусловной нравственности нѣтъ оправданія, а ей хочется жить съ оправданными. Она держится средины вещей, той блаженной средины, которая отвращается столько же отъ крайностей Эпикура, сколько и отъ крайностей Зенона. Такая философія — не философія теоретика, который приноситъ все въ жертву истинѣ, а философія практической жизни, понимающая различіе между тѣмъ, что быть должно, и тѣмъ, что есть, и не желающая погубить живую дѣятельность ради отвлеченной истины.

Не таковъ Ювеналъ, получившій названіе „нравственнаго“. Негодованіе было его вдохновеніемъ. Стихи его—бичъ фурій или мечъ Немезиды. Онъ изобличаетъ злодѣевъ, избѣгнувшихъ законной кары. Онъ указываетъ на Криспина, чудовище болѣе отвратительное, чѣмъ самый порокъ. Онъ смѣется сардоническимъ смѣхомъ, исчисляя позорныя дѣйствія Неволія. Отъ него не скрывается ни безстыдство Мессалины, ни нравственная низость сенаторовъ, разсуждающихъ съ тираномъ о приготовленіи любимаго его блюда. Онъ до того рѣзокъ и от-

крытъ въ своихъ обличеніяхъ, что Буало заподозрилъ его въ страсти къ гиперболамъ. Справедливѣе шелъ бы къ нему упрекъ въ однообразіи картинъ, всегда почти мрачныхъ, въ чувствѣ мизантропіи, которое набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на чистоту его цѣли, на искренность добрыхъ пожеланій. Бичуя порокъ, онъ какъ бы не находилъ времени привѣтствовать улыбкой добродѣтель, воспѣть красоту невинности. Но онъ писалъ въ то время, когда не было ни невинности, ни добродѣтели, и не умѣлъ лгать. Сама исторія не въ силахъ сдержать мудраго безстрастія, когда дѣло идетъ о царствованіяхъ Нерона и Домиціана.

Всѣ обстоятельства соединились дружно, что бы изъ такого лица выработать такого сатирика. Онъ былъ характера стоическаго, готовый страдать, но не готовый умѣрять негодованіе добродѣтели. Криками гнѣва облегчалъ онъ свою душу, потрясенную общимъ развратомъ. Судьба отказала ему въ ранней смерти, и въ теченіи долгой своей жизни онъ видѣлъ постепенное возрастаніе общественной порчи. Древнія добродѣтели сдѣлались преданіемъ, и хотя риторы съ учениками своими толковали о вѣчномъ градѣ, но люди умные не вѣрили напыщеннымъ рѣчамъ ихъ, или смѣялись надъ ними. Вѣра угасла; остался одинъ внѣшній блескъ религіозныхъ обрядовъ и пошлость суевѣрія, этой болѣзни выродившихся народовъ. Были философскія секты, но не было практической философіи. Стоики отличались длинной бородой, нахмуренными бровями, дырявыми плащами и пустотою сердца. Чувствительность ослабляла тѣло и душу, и не дала предаться серіознымъ занятіямъ. Краснорѣчіе, лишенное важности, растлѣвалось въ презрѣнныхъ панегирикахъ или истощалось въ доводахъ pro и contra. Посреди такого-то нравственнаго упадка римлянъ жилъ Ювеналъ. Принужденный съ юности хранить молчаніе при смутѣ общественныхъ безпорядковъ, онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ выразился въ возрастѣ зрѣломъ: скопившееся въ душѣ его негодованіе вылилось, какъ сказалъ Буало, потоками желчи. Вотъ почему его шутки всегда невеселы; его

смѣхъ—смѣхъ человѣка, отвыкшаго смѣяться. Крайнему разливу нравственной порчи противупоставляетъ онъ единственное средство, крайнюю добродѣтель — добродѣтель чистую, безусловную, которая „тяжкимъ путемъ приводитъ къ безмятежной жизни". Этотъ героизмъ нравственности выражался въ эпоху Ювенала или безмолвнымъ протестомъ благонамѣренныхъ людей, которые заключались въ своемъ молчаніи, какъ въ святилищѣ, и тамъ съ надеждою взирали на падшее божество, или примѣрною смертію во имя улучшенія общественныхъ нравовъ: умирая, они своею кровью совершали возліяніе Юпитеру.

Поэтическое достоинство Ювеналовыхъ сатиръ несомнѣнно. Онѣ отличаются силою выраженія, напитаны неостывающимъ жаромъ, въ нихъ слышишь біеніе пылкаго сердца, то, что французы означаютъ словомъ verve, и что животворитъ всѣ части поэтическаго созданія. Чувствуешь, что оно, это созданіе, вылилось какъ бы заразъ изъ вдохновенной души, вышло во всеоружіи, подобно Минервѣ, что плодотворная мысль ни на одно мгновеніе не оставляла творца, который не успокоился до тѣхъ поръ, пока не освободился отъ нея мощнымъ усиліемъ неохлаждаемой работы. Не должно, впрочемъ, принимать въ буквальномъ смыслѣ слово „вдохновеніе" и объяснять состояніе вдохновеннаго поэта миѳологическимъ образомъ: подобное объясненіе хорошо, какъ поэтическій образъ, не больше. У Ювенала, какъ и всякаго сильно потрясеннаго поэта, были, конечно, промежутки между началомъ и концомъ труда, между зачатіемъ мысли и первымъ ея выраженіемъ; но онъ такъ искусно умѣлъ связать части каждой сатиры, написанныя, безъ сомнѣнія, въ разныя времена, что перерывъ незамѣтенъ, вдохновеніе вчерашняго дня не утрачиваетъ своей напряженности въ послѣдующій день, поэтическій восторгъ, не ослабляясь, проникаетъ всю пьесу и сообщаетъ ей то очарованіе, которымъ увлекается читатель. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ длиннотъ и отступленій; онъ не подготовляетъ васъ вступительною рѣчью, иногда нужною

разсѣянному уму и подобною потрясенію колокола при первомъ ударѣ, или его дрожанію при ударѣ заключительномъ. Онъ прямо и быстро входитъ въ предметъ; мысль его, при самомъ началѣ, распускаетъ полные паруса; надобно слѣдовать за нимъ, спѣшить за нимъ, читать не останавливаясь. Вамъ некогда останавливаться на произведенномъ въ душѣ вашей впечатлѣніи, собраться съ духомъ, подумать о томъ, что вы прочитали: смѣйтесь какъ можно скорѣе, волнуйтесь, негодуйте на бѣгу, увлекайтесь потокомъ гнѣва или презрѣнія, не спрашивая, куда онъ васъ увлекаетъ. Эта безостановочная сила вдохновеннаго писателя, этотъ избытокъ поэтическаго жара, господствующій надъ читателями страстными, не нравятся тѣмъ читателямъ, которые любятъ покой и льготу, и которые не хотятъ измѣнить свой шагъ, чтобы слѣдовать за быстрымъ бѣгомъ сильно потрясеннаго чувства.

Совершенное отсутствіе поэтическаго пыла—великій недостатокъ. Если у Ювенала его слишкомъ много, то у Буало почти нѣтъ вовсе, и въ этомъ его главный недостатокъ. Каждая сатира его состоитъ изъ нѣсколькихъ параграфовъ, которые написаны съ приличнымъ жаромъ, но между которыми видишь пустыя пространства.

Вдохновенія у него достаетъ на стиль и фразы, но не достаетъ на цѣлость созданія. Видишь по мѣстамъ вспышки, не видишь огня, охватившаго общность. Искусство, работа не скрываются изъ виду, а такъ какъ искусство представляетъ меньше разнообразія, чѣмъ природа, то у Буало есть пять, шесть запасныхъ пріемовъ, которыми онъ поддерживаетъ движеніе пьесы. По его собственному сознанію, онъ могъ оставлять на полдорогѣ начатую фразу, совершить прогулку между стихами, заняться чѣмъ-нибудь въ промежуткѣ двухъ риѳмъ, и если потребное слово не являлось на призывъ, итти за нимъ au coin d'un bois и приносить его побѣдоносно домой. Буало—образецъ поэта, который обзавелся извѣстными способами своего искусства, который призываетъ и отпускаетъ свою музу, когда ему заблагоразсудится. Посмотрите его сатиры: въ

нихъ вы не увидите поэтической связи частей: переходы отъ однѣхъ частей къ другимъ тяжелы, отзываются догматическимъ тономъ и разрушаютъ очарованіе. Тонкій наблюдатель, точный и энергическій писатель, онъ мало былъ способенъ къ сильнымъ движеніямъ и долговременному вдохновенію; онъ любилъ небольшія картины, безсильный пополнять поэтическимъ содержаніемъ картины большія. Прежняя критика превознесла его до небесъ: Лагарпъ назвалъ его „законодателемъ Парнасса“, Шенье—„образцомъ въ четырехъ родахъ, законодателемъ во всѣхъ“. Наша критика свела его на землю; на основаніи современныхъ понятій объ искусствѣ, она составила о немъ слѣдующее сужденіе: Буало не былъ поэтомъ, разумѣя подъ этимъ словомъ человѣка, одареннаго сильнымъ воображеніемъ и глубокимъ чувствомъ: онъ былъ писатель здравомыслящій и остроумный, вѣжливый и вмѣстѣ язвительный, тонкій наблюдатель смѣшного, но мало плодовитый, пріятно-рѣзкій, умно-веселый, тщательно наблюдавшій истину вкуса и правильность языка, восходившій иногда отъ чувства литературной правды къ понятію нравственнаго долга. Онъ не могъ быть ни авторомъ одъ, ни авторомъ элегій, будучи не способенъ ни къ возвышеннымъ звукамъ, ни къ плачевнымъ тонамъ: ничто не пѣло въ его душѣ, ничто не плакало въ его сердцѣ. Но онъ имѣлъ въ высокой степени талантъ такъ называемой поэзіи дидактической, черпающей свое вдохновеніе изъ разсудка, если можно такъ выразиться; сила сатиръ его не въ пылу негодованія, а въ ѣдкости дурнаго расположенія духа.

Обратимся къ нашему сатирику. Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, онъ заимствуетъ у нихъ, какъ замѣчено выше, не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе пріемы, не сущность мыслей, а матеріалъ слога. Это—чуждая канва, на которой онъ выводилъ свои узоры; въ готовыя формы вставлялъ онъ изображенія современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Пи-

салъ онъ по влеченію чувства, по наклонности внутренней; слѣдовательно, можетъ назваться истиннымъ творцемъ своихъ произведеній, не смотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обрабатывалъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ, конечно, не изъятъ изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи не для того, что бы слѣдовать имъ рабски, но чтобы преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, чрезъ которыя нѣкогда прошли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ съ одинаковымъ вкусомъ стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ, не значитъ ли это быть въ нѣкоторомъ отношеніи писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ. Подражая, мы, такъ сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода; природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, и исповѣдованное заимствованіе не есть похищеніе.

Какое же мѣсто занималъ Кантемиръ между тѣми, которымъ онъ подражалъ? Чувство справедливости, не одной только скромности, заставило самого автора поставить себя ниже избранныхъ имъ образцовъ. Сказавъ, что сатиры его—топтаніе слѣдовъ Ювенала, Горація, Буало, онъ продолжаетъ:

Истая Зевсова дочь перо ихъ водила.
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Но въ досаду себѣ мнитъ, что складно.
А въ тебѣ что таково?

Мы уже видѣли при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ Кантемира съ образцами, что его подражанія въ поэтическомъ отношеніи всегда ниже оригинальнаго. Сжатое и сильное становится у него растянутымъ и ослабленнымъ, нѣжное теряетъ свою нѣжность, граціозные образы переходятъ въ неизящный видъ. Ясное доказательство, что онъ не былъ поэтъ. Онъ не былъ надѣленъ отъ природы даромъ творчества, художественнымъ талантомъ. Но онъ былъ человѣкъ умный и благородный, а всѣ качества, отличающія смыслъ и нравственное достоинство, отразились въ его стихотвореніяхъ, которыя хотя и не поэзія, но съ другой стороны, выше, т. е. полезнѣе поэзіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ будетъ видно, что Кантемиръ отступалъ отъ образцовъ не въ свою пользу.

Въ первой сатирѣ второй книги Горацій говоритъ: „Суждена ли мнѣ спокойная сторость, или смерть уже покрываетъ меня своими мрачными крыльями, богатый или бѣдный, въ Римѣ или ссылкѣ, какого бы цвѣта ни была нить моей жизни—я долженъ писать“. Сокращенный переводъ Кантемира, обнаженный отъ поэтическихъ образовъ, сжался въ два прозаическіе стиха:

Какой бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неотступно.

Иногда, наоборотъ, у Кантемира является образъ, котораго нѣтъ въ оригиналѣ, но этотъ образъ не изященъ: такъ два ловкіе правильно построенные стиха седьмой сатиры Буало:

Et tel mot, pour avoir rejoui le lecteur,
A coûté bien souvent des larmes à l'auteur,

перешли въ слѣдующіе, довольно грубые:

И стихи, что чтецамъ смѣхъ па губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Стихи 663—674 пятой сатиры выражаютъ самымъ простымъ и сокращеннымъ образомъ граціозно выраженныя мысли

французскаго сатирика, который говоритъ о владычествѣ страстей надъ человѣкомъ и о непостоянствѣ его желаній. Представляемъ въ параллели оба мѣста:

Несчетныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищите, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ,
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто, и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.

....L'homme, sans arrêt dans la course insensée,
Voltige incessament de pensée en pensée.
Son coeur, toujours flottant entre mille embarras,
Ne sait ni ce qu'il veut ni ce qu'il ne veut pas.
. . . .
Voilà l'homme en effet: il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentimens du soir:
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode;
Il tourne au moindre vent, il tombe au moindre choc,
Au jourd'hui dans un casque, et demain dans un froc.
. . . .
L'homme seul, qu'elle (la raison) éclaire, en plein jour ne voit goutte,
Réglé par ses avis, fait tout à contre temps,
Et dans tout ce qu'il fait, n'a ni raison, ni sens.
Tout lui plait et déplait, tout le choque et l'oblige;
Sans raison il est gai, sans raison il s'afflige,
Son ésprit au hasard aime, èvite, poursuit,
Défait, réfait, augmente, ôte, éléve, détruit.

Сличите также Кантемирово разсужденіе о важности воспитанія (ст. 243—253) съ Ювеналовскимъ разсужденіемъ о томъ же предметѣ, которое помѣщено въ примѣчаніи.

Выпишемъ изъ того и изъ другого сравненія, взятыя для доказательствъ, что примѣръ сильнѣе всякаго наставленія (См. Кант. 152—159). У Ювенала „Аистъ кормитъ птенцовъ своихъ змѣями и ящерицами, собранными вдали отъ горныхъ дорогъ: лишь только птицы оперятся, онѣ будутъ искать тѣхъ же пресмыкающихся. Коршунъ приноситъ своимъ куски, вырванные изъ падали лошадиной и собачьей, или изъ труповъ, повѣшенныхъ на висѣлицѣ: пусть подраститъ кровожадное племя, пусть совьетъ себѣ гнѣзда на деревѣ— оно съ такою же жадностію станетъ кидаться на ту же пищу. Но орелъ Юпитера, но благороднѣйшія птицы устремляются въ лѣсахъ за козами и зайцами и кладутъ эту добычу въ свои гнѣзда: когда орленокъ придетъ въ силу, то при первомъ чувствѣ голода, низринется на добычу, кровь которой сосалъ онъ при выходѣ изъ яйца“.

Однимъ словомъ, переводы или подражанія Кантемира всегда уступаютъ въ эстетическомъ достоинствѣ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ переводилъ, или которымъ онъ подражалъ. Выписанныхъ примѣровъ достаточно для оправданія нашей мысли. Сатирикъ нашъ не имѣетъ вовсе того желчнаго негодованія и сильной страсти, которыя дышатъ въ стихахъ Ювенала: его одушевленіе тихо и ровно. Онъ не грозно обличаетъ недостатки современнаго общества, а вѣрно и правдиво указываетъ на нихъ съ насмѣшкой. Не похожъ онъ, однакожъ, на Буало, котораго иронія и смѣхъ язвительны, несмотря на всю ихъ внѣшнюю полировку, и тонкое остроуміе является въ изрядной отдѣлкѣ: Кантемиръ какъ бы считаетъ за лишнее золотить пилюли, подслащивать горечь. Ближе онъ по тону и образу мыслей къ Горацію, котораго любилъ особенно, вѣроятно, вслѣдствіе сознаваемаго сходства между имъ и собою. Но грація выраженія, но поэтическій колоритъ стиховъ, но тщательность внѣшней отдѣлки, отличающія латинскаго поэта—все это исчезло у его подражателя. Особенныя свойства Кантемира заключаются въ томъ, что онъ прямо выражаетъ то, что хочетъ сказать,

не думая о литературныхъ прикрасахъ, о тонкости насмѣшки, о прикрытіи ироніи. Выходки его противъ недостойныхъ и забавныхъ людей столько же ясны, сколько грубы, и обличеніе говорится не въ бровь, а прямо въ глазъ. Главный характеръ его сатиръ—злость правды, жало истины. О томъ, какъ выражена истина, Кантемиръ мало заботился или вовсе не думалъ.

Версификація въ сатирахъ Кантемира силлабическая. Стихи тринадцатисложные съ цезурою послѣ семи слоговъ и съ женскою риѳмою. Пресѣченіе на одномъ и томъ же мѣстѣ, неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сообщаютъ силлабическимъ стихамъ удивительную монотонность. Отъ послѣдняго правила происходитъ сверхъ того своевольная перестановка ударенія, насилующая звуки слова. Жаль, что Кантемиръ слѣдовалъ бывшимъ до него стихотворцамъ или польской версификаціи, въ которой удареніе на предпослѣднемъ слогѣ—необходимое свойство языка, тогда какъ нашъ языкъ совершенно противоположнаго свойства. Разнообразныя ударенія и болѣе свободная цезура сообщили бы силлабическому стиху извѣстную степень музыкальности, которой онъ не имѣетъ при отсутствіи этихъ двухъ условій. Встрѣчаются у Кантемира стихи тяжелые и темные, что зависитъ отъ неестественной разстановки словъ, или отъ неточнаго ихъ употребленія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчанія сочли даже обязанностью объяснить то, что дѣйствительно можетъ показаться неяснымъ. Есть нѣсколько полонизмовъ; напримѣръ: до воли (довольно), обра̀за (досада, оскорбленіе), съ болемъ (вм. съ болью), власно (точно), чрезъ годъ (вм. на цѣлый годъ).

II.

Относительныя свойства Кантемира объясняются его характеромъ, его понятіемъ о сатирѣ и его воззрѣніемъ на нравственность.

Кантемиръ былъ человѣкъ благородный и справедливый, но вмѣстѣ кроткій и меланхолическаго темперамента. Люди такого свойства не способны къ грозному негодованію, они вооружаются противъ враговъ правды и науки насмѣшкой, ироніей, дидактизмомъ. Осторожный, что доказываетъ его дипломатическая дѣятельность, застѣнчивый, какъ онъ самъ объявляетъ въ своихъ сатирахъ, любитель уединенія и наукъ, Кантемиръ дорожилъ своимъ внутреннимъ сокровищемъ, т. е. стремленіемъ къ нравственному достоинству, учеными занятіями, сознаніемъ важности просвѣщенія и благодѣтельныхъ слѣдствій Петровой реформы, но въ то же время думалъ, что враги просвѣщенія и человѣческаго достоинства „боятся больше посмѣянія", нежели гнѣва, карающей сатиры, грознаго обличенія. По его понятію, цѣль сатиры—исправлять человѣческіе нравы; но какимъ образомъ она достигаетъ этой цѣли? „Забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе". Въ намѣреніи своемъ она „сходна съ нравоучительными сочиненіями, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что слогъ ея простой и веселый. Достоинство такихъ „забавныхъ" сатиръ основывается, конечно, на силѣ остроумія: Кантемиръ имѣлъ его, но не граціозное, какъ у Горація, и не язвительно тонкое, какъ у Буало. Главный характеръ его насмѣшливости, какъ мы выше сказали, состоялъ въ чистосердечіи и внятности, въ смѣлой и откровенной хулѣ. Всякое злонравіе непріятно тебѣ, говоритъ авторъ, обращаясь къ сатирѣ:

Смѣло хулишь, да къ тому же и говоришь внятно,

и въ другомъ мѣстѣ:

....Сатира, что чистосердечно
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.

Взглядъ автора на сатиру выраженъ имъ въ четвертой сатирѣ (къ музѣ своей). Горацій называетъ свою сатирическую дѣятельность инстинктомъ (первая сатира второй книги); Кантемиръ также объявляетъ, что ему „сродно" писать са-

тиру, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ. Такъ какъ трудно итти противъ природы, которая влетитъ въ окно, если выгонишь ее въ дверь, то напрасно думалъ нашъ сатирикъ сломить нравъ своей музы: она упорно отказывалась сплетать похвальные стихи недостойнымъ, стихи ложной хвалы, заклейменные отъ Кантемира именемъ „гадкихъ". Умъ автора становится тогда лѣнивымъ, слова вязли въ зубахъ— не забавныя, не сильныя, не красивыя, не новыя; но какъ только усматривалъ онъ вредное въ нравахъ, муза его оказывалась гораздо умнѣе, стихъ ложился свободнѣе (145—9).

Осторожность и разборчивость управляла, однакожъ, его инстинктомъ: хуля злые нравы, онъ боялся открыть злонравнаго слишкомъ ясными примѣтами. Писать сатирическіе стихи, по его мнѣнію, то же, что отворять кровь: надобно выпустить ее въ мѣру. И потому, плача въ сердцѣ о дурныхъ людяхъ и смѣясь надъ ними въ стихахъ, онъ не выставлялъ ихъ именъ (35 стихъ 4-й сатиры). Такая осторожность не помѣшала, впрочемъ, узнать нѣкоторыхъ, даже историческія лица, въ забавныхъ очеркахъ сатирика, а современникамъ вооружаться противъ его сочиненій. Чистосердечная сатира колола многимъ глаза: одинъ жаловался, что авторъ, выставляя пьяницъ (въ 1 и 3 сатирахъ), умалялъ кружальные доходы; другой уличалъ его въ безбожіи, и доносомъ въ три тетради доказывалъ,

> Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
> Что законопомное и невѣрныхъ дѣло
> Полосатой мантію ризой звать смѣло;

третій вооружается противъ улики во взяткахъ. Однимъ словомъ, восклицаетъ авторъ, лучше вѣкъ не писать, нежели писать сатиру, которая навлекаетъ на меня ненависть всѣхъ людей. Многіе стихи сатиръ, особенно четвертой, означаютъ вліяніе, произведенное его литературною дѣятельностью.

Для опредѣленія характера и нравственныхъ понятій автора, надобно обратиться къ шестой и седьмой сатирамъ.

Первая, написанная въ 1738 году, развиваетъ мысль, что „лишь тотъ можетъ назваться счастливымъ, кто доволенъ малымъ, живетъ въ уединеніи и слѣдуетъ добродѣтели! Цѣль второй (1739)—осмѣять безстыдныхъ нахаловъ и познакомить съ своимъ собственнымъ характеромъ, противоположнымъ нахальству.

Шестая сатира начинается подражаніемъ шестой же сатирѣ (второй книги) Горація. Это начало очень важно, какъ profession de foi нашего сатирика.

Лучшее украшеніе наше, говоритъ авторъ, есть добродѣтель; послѣ нея всего драгоцѣннѣе тишина ума. Съ младенчества мы привыкли бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся мы въ другую крайность—въ стяжаніе богатствъ, въ исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру. У всякаго дѣла есть свой предѣлъ: кто перейдетъ, или кто не дойдетъ — равно глупы. (ст. 145—149).

Къ такой славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что честно, что полезно и тебѣ и другимъ, ведя къ исправленію нравовъ. Награда добра заключается въ самомъ добрѣ (добрымъ быть собою мзда есть уже не мала).

Въ восьмой сатирѣ авторъ объявляетъ, что природа или отеческій совѣтъ заставили его съ дѣтства быть стыдливымъ, боязливымъ, недовольнымъ собой, что притомъ здравый смыслъ обѣщалъ ему и труды и бѣдствія, если бъ онъ оставилъ стыдъ: съ тѣхъ поръ онъ слѣдовалъ внушенному ему направленію. Онъ всегда вѣрилъ, что стыдливость возвышаетъ красоту и есть неоспорный признакъ истинной доброты; что проворный, но необузданный языкъ долженъ спотыкаться, что смѣлость тогда только похвальна, когда мы противимся своей злобной волѣ, когда разимъ враговъ въ полѣ, когда обличаемъ гнусную ложь клеветниковъ, или защищаемъ слабую невинность. Но теперь опытъ жизни показалъ, какъ вредны ему стыдливость и несмѣлость, вредны не въ одномъ стихотворномъ дѣлѣ.

Большая часть людей судятъ о разумѣ по числу силъ, и оттого часто слыша такія рѣчи: „Аристъ (такъ называетъ себя авторъ) честенъ, тихъ, учтивъ, и другъ не лестный; но отъ него не добьешься слова“—значитъ въ немъ нѣтъ ума. Въ старину добродѣтель держалась средины между двухъ крайностей. Въ наше время эта златая средина отмѣнена. Кто, имѣя умѣренный доходъ, не старался правдой и неправдой накопить несчетныя богатства, тотъ лѣнивецъ; кто говоритъ, когда надобно говорить, въ мѣру и разсудительно, тотъ угрюмъ, скученъ; кто въ дѣлахъ своихъ руководствуется здравымъ смысломъ, тотъ малодушенъ.

Сведемъ всѣ мысли автора къ главнымъ существеннымъ положеніямъ его философіи. Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т. е. настоящей мѣрѣ вещей, а эта прямая мѣра есть не что иное, какъ средина между крайностями—блаженная золотая средина, безъ которой нѣтъ счастія человѣку, и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стремленіемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностямъ. У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели, такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки, у него нѣтъ и ожесточенія противъ безнравственности — такого ожесточенія, при которомъ нельзя заключить ни на какихъ условіяхъ мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Кантемира стыдлива и не смѣла, какъ его характеръ: она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности: это полумораль, близкая къ равнодушію, индеферентизму. Въ однихъ мѣстахъ она страшится перейти, въ другихъ не дойти, отчего и происходитъ ее двусмысленность, ея сомнительное колеблющееся положеніе, подобное положенію того человѣка, который хочетъ пройти по острію, не падая ни направо, ни налѣво. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клита, лукаваго куртизана—онъ соглашается, что лучшую дорогу избралъ тотъ, кто всегда говоритъ правду;

однакожъ не виноватъ и тотъ, кто умалчиваетъ правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью: блаженъ, кто умѣетъ держаться этой средины! (сатир. 2). Какой же? между лучшей дорогой и дорогой не лучшей! Выборъ здѣсь, кажется, не затруднителенъ. Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, изъ двухъ благъ выбираютъ большее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слишкомъ снисходительна.

— Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствія, пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой душѣ трудно держать средину: въ свѣтлый день она черезчуръ гордится, а въ черные дни черезчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, человѣку великодушному, надобно не слишкомъ гордиться въ счастіи и не слишкомъ быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего приличнѣе назвать серединною, не исключаетъ, стало-быть, ни извѣстной степени гордости, ни извѣстной степени подлости. Ужели она думаетъ, что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкія доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частица мышьяка—все мышьякъ, а не сахаръ! Этого мало: Кантемиръ до того снисходителенъ, что позволяетъ быть злымъ, если нельзя быть добрымъ.

Затѣмъ, что всемогущимъ словомъ нельзя прикрыть какую угодно мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственные совѣты можно назвать уступками той или другой крайности и потому они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическая ихъ форма: „хотя, однако", что иногда равносильно: „такъ, да не такъ".

Горацій, „восторгомъ грудь питая", не то же ли говорилъ, не того же ли желалъ? „Въ нравственности онъ бралъ не свысока". Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія. Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная или златая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобы Тибуръ оставался неприкосно-

венною собственностію хозяина, чтобы онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобъ, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи, и въ политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе, которое выражается имъ откровенно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ ровный, какъ у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

Небольшое число идей Горація и выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, а въ духѣ творчества, въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація риѳмы, чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля—вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ, и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика.

СОДЕРЖАНІЕ.

-40л